

Анастасия Вихарева
Дьявол и Город Крови 2:
Кому в Раю жить хорошо...

16+

Анастасия Вихарева

**Дьявол и Город Крови 2:
кому в Раю жить хорошо...**

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Вихарева А.

Дьявол и Город Крови 2: кому в Раю жить хорошо... /
А. Вихарева — «ЛитРес: Самиздат», 2009

ISBN 978-5-532-05165-2

Нет дыма без огня. Нет Рая без Ада. Манькина жизнь для нее самой оказалась полна сюрпризов. Попав в Ад, ей пришлось пройти не один круг, чтобы понять, каким местом думали вампиры, сделав ее проклятой. Но за всеми ужасами она внезапно начинает понимать, что Рай, огромный сказочный Рай для нее не закрыт, он рядом, и Дьявол открыл ей путь к вечной жизни.

ISBN 978-5-532-05165-2

© Вихарева А., 2009
© ЛитРес: Самиздат, 2009

Содержание

Глава 1. Настоятельное приглашение в пространное место. Доводы за и против	5
Глава 2. Строительство Храма с дорогой в Ад	27
Глава 3. Философия Дьявола	32
Глава 4. Было бы желание прыгнуть...	51
Глава 5. От бытия до Ада...	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анастасия Вихарева

Дьявол и Город Крови 2: кому в Раю жить хорошо...

Глава 1. Настоятельное приглашение в пространное место. Доводы за и против

После битвы с оборотнями прошло две недели. О битве в благодатной земле ничто не напоминало, кроме погорелого леса, но деревья уже выпускали новые побеги, зарастивая шрамы. Колодец почти восстановился, и подросло неугасимое дерево. Из земли показался ствол. Избы восстановили огород, насадив кучу новых диковинных растений. Животные с удовольствием обживали зеленые пастбища по мере того, как разрасталось неугасимое дерево. Каждое утро на пробежках Манька убегала все дальше и, добравшись до снега, втыкала в землю колышки неугасимой ветви, расширяя пределы теперь уже ее обширных владений. У яков, бизонов, оленей и других парнокопытных начался весенний отел, превращаясь в молочные реки и творожно-сметанно-сырные озера. Избы потчевали домочадцев переработанной продукцией и выменивали у духов полезные приспособления, диковинки и экзотические семена, которые по всему свету имели связи и могли достать, что угодно.

Манька и ее новый друг Борзеевич, вставший плечом к плечу, когда пришла беда, наслаждаясь тишиной и умиротворением, полностью прониклись мирной жизнью и об безделья били баклуши, вырезая из них разные фигурки. Гномики, лягушки, лебеди, огородные пугала... Борзеевич по части деревообработки оказался спецом.

О такой жизни Манька в самых сказочных фантазиях не мечтала, и внезапно поняла, что такое «дом», где любят с железом или без него, радуются твоей радости, слушают любую ересь, доверяют, невзирая на то, что из твоей головы никуда не делась полюбовная жизнь с вампирами и, стоит отвлечься, в мыслях снова Благодетели.

Неотступная болезнь...

Это огорчало всех, и ее саму, но так уж устроен проклятый – и она с этим смирилась, надеясь, что когда-нибудь переборет свое наваждение. Самовнушением, или еще чем...

И только Дьявол бродил как неприкаянный, истаивая от скуки и напоминая, что вампиры никогда не смирятся с поражением, что документов ни на землю, ни на избы у нее нет и никто их выдавать не собирается, и, если она еще не передумала встретиться с Благодетельницей и расставить точки, пора бы собираться в дорогу.

Манька тянула время...

– Ну давай хоть немного поживем по-человечески! – канючила она, взывая к его сердоболию. – Должен же быть у человека отпуск? Куда твоя любимая Помазанница денется? Да ей не жить, пока со свету не сживет, пусть теперь сама за мной побегает! – хихикала она, предвкушая мучения Идеальной Женщины.

– Ну, Маня, это ты зря... – тяжело вздыхал Борзеевич, которому сладкая жизнь тоже пришлась по вкусу. – Сюда придут не оборотни, а государственная военная машина, которую заморские страны не рискуют разбудить, хотя мощи у них помощнее имеются. А если людей пригонят? Люди от Дьявольских стрел не умрут и по боголепию нашему пройдутся сапогами, не оставив камня на камне. Кто знает, а вдруг избы против человека не устоят?

– Но хоть раны залечим. Десять пуль из меня достали, – расстроенная Манька выставляла все свои пальцы. – Я не человек, что больничным мне не положен?

– Обещаю, если сносишь железо вот до этой отметины, – наконец, поклялся Дьявол, сделав на шестой части посоха снизу зарубку, – остальное сотру в порошок, да такой, что скрипеть на зубах не будет!

Перспектива была заманчивая. После битвы с оборотнями от второго железного карава и посоха осталось чуть больше половины...

Почему-то в тихой домашней обстановке железо, при всем желании, не снашивалось. Она уже давно поняла, что она лучше изнашивается, когда она перебарывает какие-то ужасы и преодолевает неподъемные трудности. Первый комплект закончился, когда избы от покойников чистила, еще полкомплекта сносила, когда воевали с оборотнями. Можно сказать, комплект – за три месяца. Но, если сносит железо, которое на ней, запасок в котомке совсем не останется – и пойдет налегке, а там еще комплект – и можно во дворец заявиться, требуя встречи на законном основании.

Перспектива была заманчивая...

Но так не хотелось тащиться черт знает куда и за каким чертом. Долина внизу, кроме зеленой полосы, по которой они с Дьяволом прошли вдоль реки, чуть зауженной в том месте, где Дьявол перенес ее, была укрыта снежным покрывалом, и когда в благодатной земле шел дождь, там мели метели.

Из тепла, да снова в этот собачий холод...

А избы от железа потряхивало. Они продолжали его прятать, пока она спала, а когда вспоминала, приходилось долго искать котомку и посохи, обнаруживая в самых неожиданных местах.

– Это страх, – объяснил Борзеевич. – Что-то про цепи рассказывают, про ось, в землю вбитую. Снимают они его с тебя, решили на себя тяжесть взвалить.

– Снимают они... Да разве ж так его снимают?! – негодовал Дьявол. – Попомнят они еще свою «доброту», помяните мое слово!

А Манька избам была благодарна. Кто бы еще принял ее с железом, да понес его на себе? И не расстраивалась, когда в очередной раз не могла найти котомку, с тайной радостью позволяя избам чувствовать себя благодетелями. До дворца, в обход гор, оставалось, чуть больше половины пути, и получалось, что железа осталось меньше, чем дорога, а пока избы держали его при себе, оно не мучило и не шло за ней. Без железа она почувствовала себя человеком. Не об этом ли она мечтала?! «Ладно, избы, сами железные ходили, а Борзеевича напугаю, – думала она. – Пусть посмотрит на меня, какая я есть, пусть привыкнет!» И не верила, когда старик доказывал, что за долгую жизнь, начала которой он уже не помнил, насмотрелся и на железных людей, и на медных, и на больных, и на здоровых, и на голых, и раздавленных золотыми одеяниями... – в язвах и беззубую он ее не видел.

К счастью, радио на старика не действовало, но знал о нем много, иногда пытаясь дать совет, как лучше вывести железо на чистую воду.

Огорчало другое...

Манька привязалась к избам, которые сами топились, готовили парную, стол с яствами, были всегда такие теплые, уютные, а, главное, безопасные. Без нечисти они помолодели: бревна стали свежие, с желта, подвалы тучно наполнились всякой всячиной. Мысль, что их придется оставить, расстраивала ее с утра до вечера. Но вампиры опять поднимали голову. Радио слушать она уже научилась, и хоть близость гор глушила основную часть каналов, теперь на всех доступных волнах радиоведущие пугали народ такими-сякими террористами, которые грозили царству-государству концом света...

Впрочем, нет, прозвучало это только раз, сразу после полнолуния. На второй день вампиры одумались, и приписывать героические свойства разбойникам перестали. А говорили, что поджидают некие террористы доверчивых людей, не жалея ни стариков, ни увечных, ни

деток малых, и подло убивают всякого, кто проявит к ним сочувствие, простодушно предлагая дом, кров и пищу, и от рук их уже полегли тысячи.

Потом и это переименовали, перестав называть разбойниками. «Разбойник» – в государстве звучало гордо. И, хотя желающих примкнуть к неоплачиваемой оппозиции не нашлось, их с Борзеевичем теперь называли не иначе, как «запрещенные в государстве те-кого-нельзя-упоминать...»

А еще радио пообещало: тому, кто сумеет снести вражеские головы и доставить во дворец, дадут награду в миллионном исчислении.

И желающие находились. Рядом с благодатной землей постоянно шныряли простодушно соблазнившиеся посулами граждане, но глубоко за границу заходить пока не рисковали, встречаясь с сильной организованной охраной с крепкими зубами, в которую почему-то пули не могли попасть, искривляя свою траекторию.

В общем, ничего нового...

Но Манька расстроилась: за миллионное сострадание ко всем истерзанным ее рукой, будь у нее в избе хоть броненосцы с потемками, ее обязательно достанут, не дав зажить тихой спокойной жизнью. За такую награду желающих найдется, хоть отбавляй, и даже Дьявол не защитит, если найдется достойная нечисть. Научить или подсказать, еще куда ни шло, а выступить против нечисти права не имел. И против человека остерегал, убивец в Аду автоматически попадал в разряд попирающих землю, когда Дьяволу вменялось карать нарушителей сурово. Разве что, при личной встрече разрешалось:

А) – оплатить добром за зло,

Б) – вернуть злое,

В) – поставить доброе, как щит.

Были и другие варианты, но Дьявол их не рассматривал, считая сверхъестественными.

Такую награду, в которую оценили ее голову, она и в мечтах побоялась бы на себя приложить – прямо хоть сама беги сдавайся. Выходило, что вампиры выбора ей не оставили: теперь пронырливой Помазаннице придется еще за оборотней отчитываться, объяснять, что сами пришли, сами себя поубивали, и ее вины тут нет. Но она все же еще надеялась уладить дело миром, а если повезет, помириться с душой своей, объяснив, что трудная жизнь его, которая натолкнула на мысль стать вампиром – чистое недоразумение, и мешать семейному счастью с Ее Величеством она не собирается.

Пусть вампир – но человек же!

Борзеевич только головой качал, когда она высказывала ему свои соображения. Он сомневался, что им простится армия оборотней. Она не унывала, но как-то пустила стрелу, поискав образную цель Матушки всея государства. Стрела полетала-полетала и вернулась, ударившись оземь, чуть не пришибив ее саму – едва успела увернуться.

– Потому что не знаешь о ней ничего! – прокомментировал Дьявол стрелный самостоятельный выбор цели. – А если она, это как бы ты? В твоей матричной памяти Благодетельница записана, как доброе интеллектуальное начало, а ты злобное и бессовестное. Проклятый грех вампира на себе несет и принимает искупление отовсюду, а почему? Пусти стрелу еще раз – и будешь гореть. Но кому, как не мне, знать, что только так человеку дано поймать второго себя. Если честно, имея такую мерзость в душе, я бы без раздумий умер, – брезгливо передернулся он.

Какое-то время Манька смотрела на него в сомнениях...

Не иначе, опять имел в уме что-то не совсем то, что сказал. После сокрушительной победы над врагом в ее планы умирать не входило, жизнь только-только наладилась. Вообще. Никак. Да она и раньше такого желания не испытывала, а иначе, зачем претерпела столько мучений?

Она убрала стрелы в колчан.

– Тогда люби ее, как самую себя, – посоветовал Дьявол, выкладывая из ящика новый инструмент для художественной резки по дереву.

– Шутишь? – брезгливо скривилась она, выкладывая с подноса на стол обильный завтрак, который больше смахивал на праздничный обед с десятком гостей. Изба продолжала их закармливать. Если так дальше пойдет, скоро в двери не пролезет. Борзеевич уже наел щеки, морщины разгладились – жирок пошел ему на пользу.

Облизала палец с вытекшим из пирогов малиновым сиропом.

– Немного радости заметить за собой голодуху по окровавленным шеям...

– На это не надейся. У вампиров это личностное качество, людям знать о нем не положено. Лучше задайся вопросом: как Помазанники, суть которых – кровососущая тварь, остаются милейшими людьми, а ты, казалось бы, добрейшее существо – кровожадная тварь?

– Понятия не имею, – буркнула Манька. Она много над этим думала и медитировала, пытаюсь понять, что там у нее внутри, но ничего такого, что видели люди, не находила.

К столу подкатил Борзеич. Мокрый, взлохмаченный, на босу ногу, в рубаше с цветным горошком навывпуск. Глаз, в сиреновом ореоле, припух. Опять, наверное, досталось от водяного. Старик, бес ему в ребро, неисправимо любил пофлиртовать с русалками, а они отвечали ему тем же. Водяной старика подкарауливал и, чтоб не шкодил, кормил за баловство подзатыльниками – на дочек у него рука не поднималась. Но Борзеевич не умнел, а только вздыхал с досады – и стоило водяному отвернуться, уже качался в лодочке, а вокруг хороводили милые девичьи мордашки, слушая его сказочные повествования, с любовью расчесывая волосы и бороду, не слишком протестуя, когда он их за прелести щупал.

Манька иногда ему завидовала. Русалки ее сторонились, а если подходила ближе, ныряли вглубь или мгновенно становились лужей и испарялись, оставляя на месте себя рыбы перламутровые чешуйки, будто в насмешку, а ей хотелось в общество, хотелось послушать, о чем они там весело болтают. Их смех, перезвоном серебряных колокольцев, эхом разносился над водой, вызывая необъяснимую грусть, и даже птицы смолкали, слушая его.

Завтракали, как обычно, на лугу возле колодца, не мешая избе копаться в огороде. Поднос с пирогами и самовар стояли на широком длинном столе, занимая один его конец, покрытый льняной белой скатертью в синюю полоску. Вокруг стола расставили длинные широкие скамьи со спинками, сделанные самоделкинским инструментом по замыслам Борзеевича. Сидеть на таких скамьях было удобно, и разрешалось залезть с ногами, что Манька и сделала. На другом конце Дьявол заканчивал выжигать и вырезать узор на столешнице, посыпая линии серебряной крошкой, нарезанной соломкой, покрывая сверху лаком. Получалось красиво. От центра расходились ветви с листьями неугасимого дерева, на ветвях сидели разные птицы, водяные и русалки, и даже Борзеевич, с ухмыляющимся во весь рот лицом, с хитрющими прищуренными глазами и с выбитыми передними зубами.

Старик принялся, ткнул в миску с наваристой ухой, дождался, когда она ему нальет половником, придвинул глубокую тарелку к себе, отламывая кусок румяного пирога с грибами.

– Верное дело Дьявол говорит... – вклинился он в разговор с набитым ртом. – Я давно заметил: вот как бы умный человек, а самый наипервейший заступник вампира. А все потому, что лицо вампира – государственное достояние, – он махнул в воздухе ложкой и погрузил ее в крынку с черной икрой. – Если рот не открывает. А открыл – человек надвое разделся: вроде человек перед ним, а схватил зубами – не оторвешь.

Манька болезненно поморщилась: знала бы секрет, давно бы выскочила замуж, села мужу на шею и ножки свесила. Как-то Дьявол сказал, что люди видят не лицо, а помышления сердца, сердце у нее злое. Но стал бы злой человек спасать избы, воевать за землю, хоронить мертвых людей?

Дьявол сдул деревянную стружку.

– Сначала надо понять движущую силу. Моя голова круглее вашей, но и она доставала Небо и Землю для любви. Только представь, что ты одна, во тьме... Ни умереть, ни обнять, ни поговорить по душам. Так я и жил, пока землю не достал. И человек подвиги вершит, чтобы добиться признания у тех, кто ему дорог. Просто представления о подвигах у всех разные. Для кого-то подвиг – в петлю залезть, для кого-то – тонущего спасти, для кого-то – миллиард украсть.

– Ну! – ехидно ухмыльнулась Манька. – Тебе грех жаловаться, твой подвиг вряд ли кто переплюнет, ты, вон, морду набил... Абсолютному Богу.

– Думаешь, сознание вампира по-другому устроено? – Дьявол скрыл улыбку. – Ради любви приносят вампиры себя в жертву... Точнее, душу, играя на опережение. Тут, главное, успеть, а то не ровен час, душа сама кровушкой лицо умоет, и прощайте поклонники и фанаты – хуже, свой интеллект! Ну, если быть точнее, когда люди могилу себе копали, думали именно в этом направлении, чтобы избавиться от ближнего и весь мир к ногам положить. Ради любви, да такой, чтобы уши слышали, глаза зрили и дотянуться мог, и не кончалась бы. А иначе, ради чего себя хоронить? Кто-то и волком-одиночкой, конечно, готов по жизни скакать, но это по глупости, в порыве, так сказать. Знания есть, а счастья нет – и попер против белого света. Собрал дружков и повеселился. Но душу такой ерундой не убьешь. Ближнюю в земле не подменили, хотя проблемы будут. Она не всегда понимает, почему ее на богатеньких мачо тянет, и рано или поздно разочаруется, а с разочарованием происходит развенчание Царя. Основная цель ритуала – сделать проклятого отшельником, никому не нужным и опасным убожеством, показать разницу между проклятым и собой – с величественной красотой духа, с нерушимым союзом, щедрого, сострадающего миру, и проводить этот ритуал он может только в присутствии тех, кому доверяет.

– А нельзя просто по-человечески?

– По-человечески любовь может закончиться в любой момент. Вечером еще влюбленные спать легли, а утром – ни в одном глазу. К чему такие неожиданности?

– Мало их любят? – с досадой бросила Манька.

– Ой, как мало! – криво ухмыльнулся Дьявол. – Любят образ, а образ они сами нарисовали. А ну как не совпадет с тем, что увидишь? И полетит к вампиру весточка: «Ах, как пал ты низехонько...» А если у земли сомнение появилось, она молиться за недостойный объект не будет. Это, кстати, главная причина, почему проклятого стараются отправить на тот свет и лицо не кажут. А ты вроде далеко, а Величества высоко – вот и зажила на белом свете.

– Так надо увидеть и все! – обрадовалась она.

– А как ты собираешься подобраться к Благодетельнице? – прищурился Дьявол. – Проклятые, которых ты из избы выгаскивала, тоже так думали: найдем, покрасуемся, глядишь, влюбим – и потекут молочные реки...

– Но ведь можно проникнуть во дворец, – воодушевилась Манька.

Дьявол взглянул на нее с сочувствием, как на блаженную.

– Милая, сначала рожу и кожу с себя сними, а потом землю носом тычь, на, мол, посмотри, кому поклонилась...

Манька озадачено помолчала. Лицо ее испытало на себе новую кривизну, и спину прихватило, будто рукой прижали. Она уже третий день вставала не с той ноги: то за камень носком ударится, то ковш уронит, то вдруг болезнь накатит, хотя раны все давно зажили. Она даже в избах наличие чертей проверила, уж не пропустила ли одного.

– Мочи нет терпеть, застудила, наверное, – она поморщилась, потеряв спину, раздумывая над словами Дьявола. Выходит, не зря Благодетельница ее боялась.

– Железо наденешь, пройдет, – ядовито ответил Дьявол, и осуждающе покачал головой. – Это люди на виду – и боль, и страх, и надежда, а вампир себя как угодно покажет – хоть тайно, хоть явно.

– А если сказать, что я секрет их знаю? Я же их чувствую, значит, и у них должно что-то мозгах зудеть. Должно же мое мнение о них на той стороне проявиться? Ты говорил, люди видят то, что ближний о человеке думает.

– Мы ей про Фому, она про Ерему, – Борзеевич, наконец, обнаружил дно в тарелке. Постучал себя ложкой по лбу. – Ну, проникнешь, ну, посмотришь, а где несоответствие? Ты – убогое существо, а она – мудрейшая царствующая особа, красота неопишная – над ее красотой лучшие мастера трудятся, и вся из себя Благодетельница.

Манька обиделась: получалось, не настолько Борзеевич ее ценил, если тоже восхищался Благодетельницей и верил в нее.

– Нет, Маня, тебя там нет, – с довольной миной открыл Дьявол еще один секрет. – А здесь ближнего. Тот, кого ты иногда чувствуешь – обман, подмена, а приходит к тебе, когда с той стороны к Его Величеству подошел. А Помазанница в одном случае тобой была, а во втором – твоей распорядительницей, поэтому ты ее чувствуешь, видишь, а избавиться не получается. Она и там, и тут – в обоих землях, а ты только здесь. Состояние твое – любимая невеста на вампирской свадьбе, заступница вампира и любящая жена, а в мыслях – лицо подневольное. А на стороне ближнего он все правильно чувствует, там он с женой клятвами обменивается, духом соединяется, а сам – непримиримый хулигатель, обличитель и ненавистник бомжей, потому что на твоей стороне он таким и был, и на личико твое в черном чулке вряд ли внимание обратил, не до того ему было.

– Сначала обман найди, вот тогда и себя можно показать, – посоветовал Борзеевич. – Да захочешь ли? Может, не понадобится, земля-то у вас круглая! – он придвинул к себе крышки с красной и черной икрой.

– Правильно Борзеевич говорит, – поддержал старика Дьявол. – Ты с чем зачем, и они тем же местом, только силы неравные. История давно доказала: вампиры ни угнетателей в живых не оставляют, ни способы, которым их можно угнетать. Дезинфицируют заразу под чистую, выжигая каленым железом.

– Значит, способа извратить вашу любимую Помазанницу нет?

– Эх, ей бы на нутро свое посмотреть, – Борзеевич заискивающе взглянул на Дьявола. – Помню, были времена, когда герои ходили за три девять земель, в царство Кощеево пекельное, откуда стартуют в разные места. Не понимает она, как земля устроена – интеллекта не хватает. Посмотрит на грифонов и василисков – сразу суть откроется.

Дьявол задумчиво похрустел костяшками пальцев.

– Нетрадиционный способ... Да только дорога туда, может статься, в один конец... – с сомнением согласился он. – Вот, вроде должна была поумнеть, когда с чертями и покойниками возилась, но нет, заклятия вампиров оказались сильнее объективной реальности... Эх, Манька, Манька, придут вампиры – ты ж всех сдашь под чистую. И зачем тебе жить с таким грузом?

Манька прищурилась, с подозрением глядя на обоих.

– Что опять за тайна великая. Или клещами вытягивать?

– Вампиры для тебя – люди, хоть внутри, хоть снаружи, а земля твоими глазами смотрит. А они не люди. Умом надо до вампира дорасти.

– Куда расти? Я этого бреда по гроб жизни насмотрелась, – фыркнула она.

– Это ты по покойникам судишь? – покривился в усмешке Дьявол. – Так это для проклятой головушки назидание, а свое они при себе держат. Твоя земля в любви, а где она – любовь? Обнимает тебя? Земля вампира под проклятием, а где оно – проклятие? Поднимается на вампира? Если бы он увидел то, что ты видела, с катушек бы слетел, но не слетают, наоборот, умнее становятся.

– Понятно, – протянула Манька расстроено. – Себя надо любить... Так я люблю, пока о себе думаю, а как делом занялась, снова Благодетели на голову выше.

– Ничего тебе не понятно, – уличил Дьявол ее во лжи. – Пока под проклятиями ходишь, любить себя и бесполезно, и опасно. Люди только злее становятся. У древнего вампира на каждое твое мнение о себе – плеть и свое слово. А больная – много ли налюбишь? А посмотрела бы на землю, было бы проще ее образумить. Первым делом, стражей надо выставить, чтобы молиться за Царя и Царицу стало некому. Но если земля не покажет, ты их днем с огнем не сыщешь, они для нее – заступники, а ты враг. Ты, вон, чувствуешь присутствие Идеальной Женщины, а где остальные? Люди видят землю вампира, а своя земля – сам человек. Как же на себя полюбишься, если спишь, ешь и тем же местом думаешь? На душу тебе надо посмотреть, в чистом виде, когда она – как матричная память.

– Да? А где я вам душу-то достану? – недоуменно рассмеялась Манька. – Что-то я не заметила, чтобы мертвецы любили по душам поболтать.

– Ау, Маня, Дьявол с тобой за одним столом сидит! – Дьявол приветственно помахал рукой. – Души в просторном месте обретаются, куда тебя всем миром пытаются спровадить. А вдруг оно тебе понравится – и перестанешь упираться, избегая предначертанной участи.

Сообразив, что Дьявол только что предложил, Манька вскочила. Дьявол и Борзеевич виновато склонились над столом, один над картиной, другой над тарелкой...

Села, сковырнув под столом кочку, с испугом ее рассматривая.

– Да не под той землей, по которой ногами ходишь! Это, – Дьявол тоже ковырнул носком ноги землю, – лишь одна из разновидностей, грубая форма, первый свод Поднебесной, – он собрал и отодвинул инструмент. – Например, черти – другая материальность. Физический план не достают, но умеют обращаться к материальности. Приказали человеку навредить – и прошлись по нему люди. Но обращались-то не к телу, а к красной глине, из которой человеческое сознание состряпано. Одна материальность лежит в другой, и у каждой свои свойства, а Твердь – начало и конец. А оттуда и до Бездны рукой подать, и Сад-Утопия рядышком.

– Манька, соглашайся! – завистливо подначил Борзеевич. – Где еще столько увидишь! И василиски, и грифоны, и горы непроходимые Рипейские... Сам дьявол тебя позвал! В гостях-то определено будут преференции!

– На это пусть не рассчитывает, у меня все равны, – сдвинув брови, сердито взглянул Дьявол на Борзеевича.

– Вы что, умереть предлагаете? – опешила Манька, как ужаленная, выскочив из-за стола.

– Есть ради чего, – пожал плечами Дьявол. – Избы, вон, Борзеевич... Смерть первая – не смерть, а вторая – смерть. Если не подлечишься, безногая – далеко уйдешь? Вспомни-ка, как Йеся чудеса показывал, воскрешая мертвых. Как только поймут, что железный человек на Матушку Матушки всея государства наступил, господи Упыреев сразу про тебя вспомнит, а прикажут древним вампирам хлестать плетью – будут хлестать из среды тебя самой, пока дух не выйдет. А там древние вампиры наружу выходят – и тут уж кто кого. Они тебя – поставим памятник, ты их – Большие Люди сами придут с тобой разбираться. Маня, я помогаю, пока нечисть поклоны бьет, а как позор с себя снимут, тут я и прикажу помощникам ножи точить.

Толика отмщения за железо оказалась приятной, погладив сердечную чакру.

Но Дьявол спустил ее с небес на землю.

– Скажем так, понять пытаются, с чем столкнулись. Сведения ищут, книжки читают, иностранных специалистов выписали, чтобы понять феномен лета посреди зимы. Решили, глобальное потепление на пороге. Расчеты делают: то ли газом лишку отапливались, то ли время пришло. Вряд ли Баба Яга кому-то рассказывала про чудесные свойства неугасимого полена, разве что дочери, но проверять ее догадку будут, когда другие закончатся. Тогда всю вину придется на Матушкино полено возложить, которое не уберегли. Так что, пока в государстве не до вас, время у нас еще есть.

Борзеевич хохотнул, подавившись блином со сметаной.

– Манька, железо отведала – чем не хлеб? – растянул он улыбку от уха до уха. – И для ума, и для души, и для тела – где бы еще столько мудрости набралась? Осталось прыгнуть с Храма да посмотреть, понесут ли ангелы, а там и Царства Мира узришь.

– Так то Йеся – Сын Божий! – опешила она. – Меня-то с какого рожна ангелы понесут? Докатились! Кто он, а кто я? Совсем крыша поехала?

– Сына-то как раз не понесли, – округлил и без того круглые глазенки Борзеевич. – И Царства посмотреть отказался, и камни ему оказались не по зубам. Ты каким местом Писание читала?! – укорил он. – «Приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих. Потом берет Его диавол в святой город и поставляет на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут, да не преткнешься о камень ногою. Йеся ответил: написано также: не искушай Господа Бога твоего. Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает все царства мира и славу их, и говорит: всё дам Тебе, если, пав, поклонись мне. Тогда Йеся говорит: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи...»

– М-да... – задумался Дьявол, подперев щеку. – «И был он искушаемый в пустыне сатаною, со зверями, и ангелы служили ему» ... Я, Борзеевич, все пытаюсь понять, какие звери? Скорпионы ползали у ног? А ангелы за водой бегали или пироги из песка лепили? «И после этого взалкал...» Что же такое в пустыне взалкал Сын Божий, что сразу после этого исполнился силой духа и пошел проповедовать Писание?

– Кушать, наверное, сильно захотел, понял, что без труда – не вынешь рыбку из пруда... – заметив, что Манька поморщилась, услышав знакомое, но незнакомое слово, Борзеевич пояснил: – Алкать – желать нечто противозаконное. Когда его одернули на вытоптанном поле, он прикрылся делами тех, кто нарушал законы до него: «Разве вы не читали, что сделал Давид, когда он взалкал и вошел, и ел хлеба предложения, которые можно есть одним священникам, и давал бывшим с ним?»

– Другим можно, а ему нельзя? – усмехнулся Дьявол.

– Давайте еще Отца избранного народа попинаем... – недовольно укорила Манька сотрапезников. – Уж его-то нельзя заподозрить в сомнительных связях с вампирами, он, можно сказать, у истоков стоял.

– Ох, Манька, да разве Давид – Благодетель Богу? – изумленно-укоряюще уставился на нее Дьявол. – Убивает людей, рвется к трону, обманывает, грабит, не гнушается проклятиями... Пример тому – Навал и Авигея: царский пир, окаменевшее сердце, десять дней – и Навал умирает, а Авигея становится женой Давида, со всем его имуществом в приданое... Где еще такую дуру сыщешь, чтоб тысячными стадами и землями за сомнительную честь стать шестой нелюбимой женой заплатила? И Бог у народа в одном лице – Благодетель, но о-очень больной! То, иди, то не иди, то забьют, то не забьют, то помазанников ищет, то проклинает, то поднимает, то, говорит, подохнете все, то нет, будете жить... Думаешь, сын его, Соломон, оставивший печати демонов, на себе их все исследовал? Кто бы посмел на него проклятие наложить? А жен на что столько? У тебя, вон, одна могильным камнем, а и то голову поднять не можешь.

– Ну, если говорить о хлебах предложения, вряд ли что-то умное там лежало, – выдвинул версию Борзеевич. – Отец на сына, сын на отца, даже кузнеца своего не имели, и только Помазанник – свят!

– Ты и на Давида решил поклеп возвести? – возмутилась Манька до глубины души, сурово смерив Дьявола. – Он тебе псалмы посвящал, а ты что?!

– Думаешь, Благодетели мало в твоей земле молились? – усмехнулся Дьявол. – В одном псалме он – Бог, в другом – большая немощь, в третьем – угрожает, в четвертом – призывает

врагов, в пятом – стыдит... Вот ты – встала и сказала: «Чем же я хуже Благодетеля, если Бог один и все одинаково сотворены им?» Естественно, вампиры знают, в чем их преимущество, и как сделать проклятие знаменем. И ответит: «Приди, принеси кадьницу – и увидишь, с кем Господь!» И буду на стороне вампира. У него в земле молитва, а у тебя могила. Подниму то и другое. Но не потому, что одних люблю больше, других меньше – для меня все равны, просто помогаю человеку увидеть его землю. Если б я завел любимчиков, был бы я Богом?

– Ну-у... – неопределенно протянула Манька. – Молитвы должны быть к месту. Плохо – одна, радостно – другая, беда пришла – третья.

– «Остры стрелы Твои; народы падут пред Тобю, они – в сердце врагов Царя. Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты – жезл царства Твоего. Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих. Все одежды Твои, как смирна и алой и касия; из чертогов слоновой кости увеселяют Тебя... Излилось из сердца моего слово благое; я говорю: песнь моя о Царе; язык мой – трость скорописца...»

Дочери царей между почетными у Тебя; стала царица одесную Тебя в Офирском золоте. Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей; ибо Он Господь твой, и ты поклонись Ему. И дочь Тира с дарами, и богатейшие из народа будут умолять лице Твое...»

Где тут меня славят? Разве, не Царя и Царицу славить в своей земле?

Или: «Я сравнялся с нисходящими в могилу; я стал, как человек без силы, между мертвыми брошенный, – как убитые, лежащие во гробе, о которых Ты уже не вспоминаешь и которые от руки Твоей отринуты. Ты положил меня в ров преисподней, во мрак, в бездну. Отяготела на мне ярость Твоя, и всеми волнами Твоими Ты поразил меня. Ты удалил от меня знакомых моих, сделал меня отвратительным для них; я заключен, и не могу выйти...»

А ты, разве, можешь сказать о себе другое? Найди мне хоть одну молитву, где проклятый молился бы за себя: «Я попал в капкан Царя и подельников его, попирает Царь землю мою – избави меня, Боже, от капкана и всех этих разбойников!»

– Это что, опять против меня? – Манька раскрыла рот от изумления.

Борзеевич ехидно захихикал, а Дьявол пожал плечами:

– А как бы я донес Закон до живых, не положив в гроб к мертвецу? Моисей вырос во дворце фараона, ему ли не знать, как закабалить народ, чтобы ни вздоха, ни стона не вышло из уст? Египетские жрецы веками проводили многочисленные эксперименты, чтобы править народом вечно... Ты вроде подкованная уже... Возьми Откровение: было глобальное произведение: вот я, первый и последний, начало и конец, держащий в деснице своей семь звезд – три свода Поднебесной, три свода Небесной и Твердь, и позовет человек, приду вечерять, и будем говорить всю Ночь, пока не настанет Утро, и низринется Сын Человеческий, рожденный от семени человека и зверя. И ночью, когда будет низвергаться, откроются печати, и выйдет навстречу саранча с человеческими лицами, реки и моря станут кровью, пройдут громы, молнии и землетрясения – и наступит конец света. И поймет человек, что он Ночь, а я День. И съест все, что написано в книге его, которую держат ангелы с четырех концов земли – и будет горьким железо во чреве, и сладким на устах, а два моих свидетеля засвидетельствуют падение Злодея, когда агнец будет вершить Суды свои над покойниками...

А стало, как подержал в руках вампир: вот Господь, мечет громы и молнии, и открывает тайну великую, а между самыми интересными местами изрыгает пустословие Сын Человеческий, который то свидетель откровения, то сам агнец, то истинно тот, кто мучает главного героя...

– Неисповедимы судьбы произведений, – поддержал Борзеевич Дьявола.

– Подождите-ка... – Манька почесала нос, уставившись в столешницу задумчиво. – Это что же... сам Закон обгажен? Ни одной книжки больше в руки не возьму! – брезгливо поклялась она.

– Ну... Без мудрых наставлений хвалебные выступления вампиров не прожили бы и дня, но повествования вампиров лучше поставить с ног на голову, ибо рассчитаны на овец. Закрой глаза и иди по своей земле, как самая страшная нечисть – и мудрость откроется, – посоветовал Дьявол. – Знания – они в тебе и вокруг тебя. Каково тому, чье поле потоптали двенадцать учеников и толпа мытарей? Тот, кто побежал вслед вампира, закроет на преступление глаза, а я одерну – вот ты открыла для себя истину. Разве человек не ходит по своему огороду осторожно, чтобы не попасть в кабалу к Благодетелю, когда наступит зима? Или смоковница... Чем дерево не угодило? Может, возраст не подошел или обобрали плоды – и снова одерну: разве Бог, создавший смоковницу, стал бы губить ее? И вот он – вампир, узрела его во всей неприглядной лицемерности, а дальше и дела его раскрыла, которыми он землю полонил.

– Манька, молитвы не делают человека ни умнее, ни богаче – Сын Человеческий дает с одного конца, – поддакнул Борзеевич. – Много ты в дороге ему молилась? А посмотри, сколько получила.

– Вы реально решили меня убить? – испуганно пискнула она, протестуя всем своим существом.

Вот оно – нехорошее предчувствие! Умереть теперь, когда жизнь только-только наладилась. Она немигающе смотрела на Дьявола и Борзеевича, и хоть бы капля сомнения промелькнула в их лицах! Оба были настроены одинаково безжалостны. Они, значит, тут в райском месте останутся, который она через муки доставала, а ее в ад спроваживают, чтобы она еще и там слезою облилась... И ведь не согласишься – завтра доконают... С Дьяволом и того хуже – начнет пучить нечистью, и станет она в скором времени вылетать из всяких мест. Тогда про дворец лучше сразу забыть.

– Манька, я у Бога что ли учусь? – возмутился Дьявол, когда понял, что ответ скорее «нет», чем «да». – Я сказал: надо, значит, оставь сомнения. Не в бирюльки играешь, кровь вампира достаешь! – он смягчился и, пробуя убедить логическими измышлениями, по пальцам перечислил последние достижения. – Вот не подтянул бы на три по физкультуре, пнула бы так-то борющегося с тобой? А не направил бы в нужное русло, браталась бы с белыми медведями на крайнем севере. А избы? Были бы у тебя избы, не упреди я удар Бабы Яги? Не приписывай себе мои заслуги! На всяком свете ты не жилец. Мне, вот, без разницы, тут прозябнуть или где погорячее.

Дьявол ждал ответа, но ответа не последовало. Манька испепеляла обоих злующим взглядом, от которых Дьяволу было ни холодно, ни жарко, а Борзеевич еще ниже склонился над тарелкой, расшелушивая панцири раков и выколупывая мясо.

Дьявол тяжело вздохнул.

– Ну, поймала удачу за хвост, можно сказать, пожила как люд, куда еще-то? – пристыдил он ее. – Чем прыгнуть с Храма хуже, чем все смерти, которыми умерла давно? Все одно, мерзость ты, ибо на хребте твоим мерзость! Я, можно сказать, в гости тебя пригласил, а ты отказываешься... Считай, оборотни приблизили твою кончину и даже скосили мучительную смерть до пределов разумного мученичества. Признаю, вампиры испугались и не успокоятся, но вряд ли рискнут посадить твое брненное тело на кол или попросить в зеркальце посмотреться. Убивать будут надежными медикаментозными способами... Или просто бить... до смерти. А у меня не почувствуешь ничего, обещаю!

– Да где я Храм то возьму?! – сделала она последнюю попытку заступиться за себя.

– А избы – чем не Храм? – оскорблено вскинулся Борзеевич. – Главное, чтобы Алтарь был, – он обтер руки о рушник, вынул из кармана старый пожелтевший с дырами свиток, с не пойми каким абстракционизмом. – Вот, я тут прикинул...

– Прикинул?! Прикинул?! Ты что же, убить меня все это время планировал?! – не поверила Манька, обнаружив врага рядом с собой. Ум ее отказывался верить в очевидное открывшееся коварство.

– Ну... – без тени вины протянул Борзеевич, почесав макушку. – Знающий человек подсказку оставил, значит, выжил. Не ты первая, не ты последняя, были и другие, но что с ними стало – убей, не помню, – не стал он скрывать. – В темные времена я чуть совсем ума не лишился, разучился писать и считать...

– Но это же особенный Храм должен быть! Храм должен быть высоким, чтоб крыло Храма – и вид необозримый... А иначе, почему Спаситель Йеся отказался прыгать? С избы свалишься, шею не сломаешь! – не поверила она, заглянув в свиток.

– Этот умник хотел презрение показать... Он что, дурак совсем, чтобы снова человеком становиться?! Ему земля была нужна, а не я. Решил, что, если в меня как следует плюнуть, я тоже начну кровью кормить мучителя... Манька, – Дьявол всплеснул руками, – цокольный этаж – и тот крыло храмовое! С какой стороны ни смотри, а все одно – одно крыло левое, другое – правое! Откуда в стародавние времена высоким храмам взяться? Я ему не с крыши прыгнуть предлагал!

– Вот-вот, – поддержал его Борзеевич. – А то, говорит: Папа возьмет и сам все сделает... Делать-то делает, да только делает вампиром, – он бросил недовольный взгляд в сторону Дьявола. – То один бессмертник вырастит, то второй...

– Ну, вы меня еще за нечисть посудите, – одернул Дьявол. – Сочинили два ученика три повести, а один воскресение плагиатом обойти не смог... Нечисти положено творить беспредел, на то она и нечисть...

– Что ж он лежит в гробу и носа не кажет? – обругал Борзеевич Дьявола.

– Наверное, воскресение пришлось не по вкусу, – самодовольно хрюкнул Дьявол. – А он как думал, оплюет душу всем миром, а она ему гостинец?

– Знаете, Йеся – Интернациональный Бог! – возмущенно отозвалась Манька, покрывшись красными пятнами. – Гибель мне готовите вы, а не Он! Я, пожалуй, на этот раз ему поверю, все-таки вампиром был, а они умные, не лезут куда ни попадя.

Две ехидные насмешки не замедлили прикатить обратно.

– Бумага все стерпит, а вампиры не каждую бумагу могут вытерпеть, – ухмыльнулся Борзеевич. – Завет Дьявола на скрижалях земли высечен, а словами Йеси зады подтираются.

– Вам не угодишь, – огрызнулась она.

Дьявол взглянул на нее строго, нахмурившись.

– Закон нельзя ни отменить, ни изменить, его можно только изучить и жить по нему. Или не жить... Тогда Закон обрушится, как бетонная плита, которую подбросили вверх, и думают, что она упадет на небо. Бог – не вещь, крестами не прилипает. Я, например, как раз крещеными брезгую. Писание Йеси «Ева, Ангел и я» – страшное преступление против ближнего, инструкция, как ближнего на тот свет отправить и перед дорогой помучить как следует. Раньше как было: обнаружил человек вампира, приказывали выставить его на всеобщее обозрение, чтобы тот, кто имеет с ним тяжбу, видел его лицо. Для этой казни небольшое возвышение так и называлось: «Лобное место». Человеку один на один с вампиром лучше не встречаться – быстро приложился к головушке, но в толпе – кто позволит? И девушка, которую Йеся положил к ногам апостолов, вынула из него дух. А ты так сможешь?

– Его люди убили, он Мученик был, – хмуро ответила Манька.

– «Выходя, они встретили одного Киринеянина, по имени Симона; сего заставили нести крест Его», – процитировал Дьявол. – Идет казнь, гордо шествует подозреваемый, а за ним, согнувшись под тяжестью креста... не маленький, человек на нем разместился... согнулся случайно подвернувшийся прохожий. Это что, Мученик? Искренне сочувствуют Йесе, а кто хоть раз посочувствовал или спасибо сказал тому несчастному носильщику?

Или: «распявшие же делили одежды его, бросая жребий...»

Не думаю, чтобы кому-то пришло в голову делить одежду человека, которого в этой одежде попинали, поваляли, поплевали и проволокли по улице...

«Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух», «Иисус же, возгласив громко, испустил дух», «И, сие сказав, испустил дух.», «И, преклонив главу, предал дух».

И кто убил его?

Нет ни одного человека, на которого смог бы я повесить смерть Иисуса. Его не пытали, как его последователи пытали людей, не бросили в огонь, как бросали они, не похоронили заживо, не содрали кожу, не вынули внутренности, не проводили над ним эксперименты.

Хилый оказался, или вампир? Тогда, конечно, воскрес. Разве вампиры умирают? Даже современные обязательно стреляют в сердце и контрольным в голову. Не убил, как положено, – обязательно выживет. Вампир – бессмертная нечисть, он умеет прикинуться мертвым или смертельно больным. Положил его, а он раз, из всех щелей повылазил и снова клыки выставляет...

Сама подумай, как бы выглядела история, будь ты не слушателем, а свидетелем, если посмотреть глазами интеллектуала...

Иосиф, который имеет ЖЕНУ с СЕМЬЮ ДЕТЬМИ, вдруг ни с того ни с сего становится обручником Марии. При этом, как следует из Писания, обручен был с нею прежде, чем узнал о беременности. То есть, мужик бросает семью ради какой-то сомнительной вертихвостки, которая живет в монастыре при дяде священнике. И вдруг, о, ужас, ужас! – тайное становится явным. Иосиф в смятении: как объяснить людям, а может своей родной жене с семьей детьми? – беременность невесты? И внезапно понимает: Бог во чреве пречистой девы! И тут в нем просыпается к этому ребенку пламенная любовь, которая явно смахивает на безумие, потому что бросает семерых детей и бежит с этим ребенком в Египет и живет там до его совершеннолетия...

А Бог настолько обуян жадной родить сына, что не пожалел ни жену Иосифа с семьей детьми, ни самого Иосифа, ни девственницу, ни священника, которому в любом случае пришлось бы объяснить возросший интерес к пузу Богородицы.

И вот, наконец, по истечении шестнадцати лет, возвращается.

И тут же все его семеро детей, брошенные папочкой, вдруг начинают пылать отчей привязанностью и к папе, и к мачехе, следуя за нею повсюду, пытаюсь урезонить сводного брата, причем, ни один, ни два, как было бы по просьбе престарелого родителя, а все семеро:

«Когда же Он еще говорил к народу, Мать и братья Его стояли вне [дома], желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: вот Мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобой. Он же сказал в ответ говорившему: кто Мать Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои;»

И что это за вознесение, если Иоанн – любимый племянник Иисуса, внезапно заканчивает повесть, выдавая болезнь воспаленного мозга, что жил дядя Иисус еще долго и счастливо, и столько чудес сотворил, что ни в одну книгу не уложить...

Борзеевич тяжело вздохнул, рассматривая рукопись с рисунком.

– В храмах, Манька, в то время лежали многие книги, которые имел право взять любой человек, и любой мог прийти и высказать все, что думал. Там собирались книжники, пророки, порицатели, маги, проповедники и учителя всех мастей, ровно, как и имеющие товар, которые подзаряжали одухотворенных и желающих одухотвориться пищей и питьем. А священники расставляли сети мошенникам, обнаруживая нутро их перед народом, подавляя интеллектуально. И Иисус с апостолами там начинали паству собирать – и никто им рты не затыкал, пока не вскрывались тайные дела, такие как смерть Анании и Сапфиры, которые лишились всего, что имели.

– Если бы, Манька, все это произошло на твоих глазах, история показалась бы тебе до неприличия нелицеприятной, но разве мало народа идут вслед этих сомнительных пророков, которые тешат народ надеждами, обирая до нитки? Можно сказать, это была первая пирамида, которая подкрепила свою живучесть наложением эпитафии, открывая человека и обращаясь к нему от души. И не нашлось ни одного, который бы смог раскрыть обман. Когда к человеку обращаются с Зовом, он не слышит ни мать, ни отца, ни родственников, а только Благодетеля, который для него как Бог. В конце концов, за использование знаний таким образом, Йесю казнили, как неизлечимого вампира, который многим успел отрезать голову. Согласно закону: «Убей пророка, если он покушается на твою внутренность и на внутренность твоего ближнего и говорит от Моего имени то, что я не повелевал ему». Крещение огнем, когда над сознанием человека встал Святой Дух – это и есть покушение на внутренность человека. Человек перестал быть Богом в своей земле, как я в своей, и разделился с ближним своим, лишившись ребра своего.

Разве Бог говорил с Йесей?

О чем? Когда?

Но мытари, которые не имели ни образования, ни средств, чтобы подняться другим способом, уже не мыслят себе другой жизни.

Возьми Луку – кто такой? Был сотрудником Павла, лично никогда не знал Йесю (собственно, как и Павел). Как он может свидетельствовать? А кто такой Павел, он же Савл? Он же боец, который вдруг услышал голос с неба: «Савл, Савл, трудно тебе идти против рожна?!»

Да загляни в любую психбольницу, и увидишь, сколько людей, узревших вампира в небе, пребывают в том же состоянии. Что теперь, слушать всех?

Вот ты, свидетель на суде, как скажешь: «я вышла и увидела, как два дегенерата пристают к девушке», или: «Манька вышла и увидела, как два дегенерата пристают к девушке»?

– Ну, «я», – угрюмо согласилась Манька.

– А перечитай-ка Писание, где тот свидетель, который бы сказал, что он был там в то время... И получается, нет ни одного свидетеля. Лжецы и обманщики. Хуже, объединившиеся родственники, которые расставляли сети людям, улавливая их и выманивая имущество. Автор легко повторил мои слова от своего имени, и получилось, что истина повернулась на сто восемьдесят градусов. Только его пощупать можно, а я объект несколько удаленный. Спасители, в качестве посредников, оказались очень удобными: пришел, поплакал, получил индульгенцию. И ни миллионы сгоревших заживо, ни миллионы похороненных заживо, ни нищета, ни голод, ни болезни не могут образумить народ, который решил стать мертвечиной.

Люди думают, они выбрали меньшее из зол...

Мой мир вмещает в себя все – и зло, и добро, а все те, кто играет моими словами, будет умерщвлен. Войти в мою землю сможет лишь праведник, который не знает другого Бога, кроме меня.

А Йеся разве не другой?

И вот такой Бог, Манька, не любит тебя.

И я не люблю! Страшная сила объявила тебя своим имуществом.

– Маня, вот я сочиняю исторические хроники, и подробностями хроника обрастает, – поддакнул Борзеевич. – Живенько так... Согласен, прообраз был, который выставил церковные знания на обозрение миру, и нашлись те, кто смог оценить их по достоинству. Такой масштабностью никто людям кровь давненько не пускал. С одной стороны, повеселились, с другой, – Борзеевич сердито посмотрел на Дьявола, – разделся я, Манька, до лохмотьев... Я для живого человека, а людей-то можно по пальцам пересчитать!

– И ты его знал?

Манька разделилась сама в себе. Она все еще пыталась выступить в защиту Спасителя, но бедствия никак не приближали к тому образу Спасителя, который раньше вызывал в ней

умильные размышления на тему: «а вот были бы все праведниками!» Она мучительно пыталась сообразить, как это у них выходило дурить человека? Ведь читала – все читала, от корки до корки, и много раз перечитывала, размышляла над написанным, и даже когда видела жестокость, несправедливость, как с тем же осликом, которого было жалко, пыталась оправдать Спасителя, говорила себе, что не так поняла, потому что ума ей не хватает – и вдруг все сошлось, а она как будто потеряла опору.

Но почему эти двое решили от нее избавиться, как дядька Упырь? Как им верить после этого? Уговаривают умереть в открытую – кузнец Упыреев и тот деликатнее был.

– Не совсем, – ответил Борзеевич. – Я грамоте обучен, а Йеся грамоту не искал, он больше паству, а неграмотному даже горох не бросишь, он его не поднимет.

– Ближе мы с ним не общались, – откестился Дьявол. – Но я всех людей знаю. Когда пришел Спаситель, я сразу понял: а не то ли я жду? Мне, в бытность Господа, не приходилось столько извиняться перед животиной, как в то тяжелое время. Каждая зарезанная начала называться жертвой... За коз, овец, верблюдов и прочей живности – низкий ему поклон. Теперь скотина, которая с земли вернулась, не прячется от моего голоса. Ну, хотят люди квадратную землю на трех слонах, пусть будет. Люд людю много подобных историй рассказывает – это трагедия не одной Евы. Когда-то Ваал прославился, когда-то Дагон, когда-то Молох... Все они были боголепными людьми, которые неосторожно обращались с огнем... Земля пухом... И Атлантиде, и Египетской цивилизации, и Содому с Гоморрой... – и сотне других цивилизаций, полюбивших мертвечину.

– Ты Бог? Господь? Отец? Не Дьявол?! – не поверила Манька.

– Ну, Бог... Но недоказанный же, – не стал Дьявол отпираться.

– Вот бы и разобрался с врагами! – зло процедила она.

– Я и разобрался... Со своими. А твои есть-пить не просят, – криво усмехнулся Дьявол. – Люблю я их. И сердце мое преклонилось к ним, ибо врачуют и исцеляют землю мою от такой вот немощи, – с пренебрежением махнул он рукой в ее сторону.

С тяжелым сердцем, Манька внезапно испытала мучительное желание обнаружить себя где-нибудь в другом месте. Как мог Отец Йеси прийти к ней, да еще прикинуться Дьяволом? А если тот самый, который Отец, почему не может спасти ее? Всем помогал, а ей не мог? А если не можешь, зачем оскорбляешь интернациональных богов, которые хоть как-то обещают пожалеть? От Дьявола можно было чего угодно ждать – крыша у него постоянно съезжала от звездных болезней.

Все, все ему не нравилось, а сам он...

Сколько бы он не отваживал ее от Спасителей, мысли сами собой возвращались к одному и тому же: а что как Дьявол оговаривает и Спасителя Йеся, и Пророка, и того, который удивлял своей веселостью? Славой и почетом им давал всякий. Кроме нее. Не сказать, чтобы уж совсем Дьявол повлиял, но как-то так получалось, что Спасители выдавливались из жизни сами собой.

Вот, например, «покайся!» – а если проспала, или выдумала, будто поехала в больницу, а сама в это время грядки полола? Ну призналась – разве не уволят? Или помолилась, а вышла на улицу – пусто, нет Благодетеля.

Верить-то можно, да только вера без дела мертва. Когда приходит беда, хочешь, не хочешь, а приходится думать не молитвами, а придумывать, как поворотить беду вспять.

А, может, как раз молитвами надо было?

Пусть не Йесяными. С Три-одиннадцатого по Три-двадцать-пятое государство был у людей в святом почете Пророк, который ни одного пророчества не выдал, но незамысловато объяснил интересы Бога. Или Бог, который любил женщин удивлять знанием множества позиций, доставляющих удовольствие... Все там, после Три-двадцать-пятого, так и жили: плодились и умирали, стараясь не работать, а только нирвану откушать.

Манька исходила Спасителей вдоль и поперек...

Господь Йеся – вроде как на вид приятный, про любовь много говорил, а как Дьявол скажет, истинно вампир, самая настоящая жадность до чужой плоти и имущества. О Пророке подумаешь, опять же, найдет к чему придраться: «а кто отвратился от толка Ибрахима, кроме того, кто оглупил свою душу? Мы избрали его уже в ближнем мире, а в будущем, он, конечно, среди праведников. Вот, сказал ему его Господь: «Предайся!» Он сказал: «Я предался Господу Миров!»

А как можно оглупить свою душу, предав его... и кому!.. оставаясь праведником? Ну оглупил, а душа тебя оглупила, и нет ума ни у того, ни у другого.

Бьющим только спину подставь – это она по опыту знала, били и без Пророка.

О веселом Боге подумаешь: ну не прожить зиму с песнями и плясками – с первыми заморозками откинешься.

Люди привыкли к своим Богам и Дьяволом не интересовались. Спасителей им хватило за глаза. Их объяснения приняли безоговорочно, оставляя единственными, довольствуясь той мудростью, которую находили в их высказываниях. А ей хотелось иметь такого Бога, чтобы высказать наболевшее, и не помолить, а потребовать свое. Если бы Дьявол захотел стать ее Богом, пожалуй, она бы поставила его на пьедестал. Но Дьявол Богом был, а принять под свое крыло не торопился, только наставлениями закармливал. В последнее время она вообще начала считать себя умнее и Сына Божьего, и Пророка, и Веселого Бога: откуда им было знать, как оперативно рассматривать Бездну?! А она знала, даже представляла ее в профиль и анфас...

Она скептически окинула взглядом Дьявола: вот, теперь в последнем Господе пришлось разочароваться! В том самом, который поднял из глубин Бездны вселенную, в которой для нее не нашлось места. Что это за Бог, если у него снега зимой не выпросишь? Она припомнила, как он бил ее, как подтрунивал над язвами, как сваливал на нее тяжелые похороны и разборки с нечистью, как издевался, заманивая из огня да в полымя. И где он, после этого, Бог Истинный, если давно стал Богом Нечисти, прикрываясь проклятиями, о которых давно никто не помнил?

– Бог Богом, а беременной девушку сделал, да еще в монастыре! – укорила она Дьявола. – Был бы отцом примерным, вот и поняли бы люди, как надо детей воспитывать. С чего тогда один из воинов сказал: истинно Сын Божий?

– Муку не принял, а дух испустил, – отпарировал Дьявол. – Только Бог мог достать из вампира дух. Бог, который его родил в чреве. Залез он туда, да весь вышел... Манька, у тебя совесть есть? – не выдержал он. – Детей не сознанием зачинают! Уж в чем меня нельзя укорить, так в разврате! Я ж Бесплотный! На земле не было, и не будет такого праведника – я в законах прописан от Небытия до Бытия. Только дыхание жизни могу дать, чтобы земля приняла чужое сознание и не отринула, как инородное тело, не дожидаясь, когда его причислят к лику святых. Земля родит, но это не акт половых сношений, а процесс миротворчества. Еще есть животворящие кресты и вода, но как крестом и водой зачинается живое, этого я себе представить не могу.

– Но спасти ты бы мог больше людей, если бы не испортился! – обиделась Манька. – Ты говоришь, сжигаю, вещаю, убиваю... Но ведь не ты, люди, а если люди, то не все.

– Спасать я могу только тех, у кого особая нужда имеется, а до остальных мне дела нет, – сухо заявил Дьявол. – Немногие люди живут в моей земле долгие годы. Герои, которые именем своим вросли в землю и пустили корни. А ты не растешь, ты срубленная валяешься, и нет у тебя ни имени, не имения.

– Да, Манька, были такие люди... – задумчиво подтвердил Борзеевич. – Запомнил какие, но были! Вставали они с колен, и пили кровь у вампиров. Целый город могли выпить.

В огне не горели, в воде не тонули, сквозь медные трубы умудрялись протиснуться. А как их гнали, какие козни против них строили!

– Так то живые, а вы мне умереть предлагаете! – всплеснула она руками. – Как можно жить без тела?! Соображаешь, Борзеевич, что ты меня больше не увидишь?! С того света только вампиры возвращаются!

– Какое у сознания может быть тело? – рассмеялся Дьявол. – У тебя и сейчас его нет! Ты – форма территориальной единицы... В своей земле можешь вынырнуть где угодно, а можешь смотреть на себя в целом. В том-то и дело, что земля не слышит вас, для нее вас как бы не существует. Перепутать тебя с записью вампира, ей ничего не стоит. Ужас, как беспомощны ваши сознания, когда не опираются на землю. Не будучи в Бездне, вы стоите в ней одной ногой. Сама подумай, человека можно усыпить, обрезать, а потом плевать в него всю оставшуюся жизнь... Глина, из которой вы созданы, настолько бестолковая, что я миллионы лет думал, куда ее приспособить. Вроде и в Бездну отправить жалко, и земле не особо нужна. А потом понял: если хорошенько встряхнуть, то она начинает осознавать Бытие. Очень объективная оказалась материя. Только если постоянно не подзаряжать, садится, как плохой аккумулятор. Меня Бездна питает, а вы – отрезанный ломоть. Один удар по голове – и нет вас.

Дьявол тяжело вздохнул.

– Когда я сунулся головой в Бездну, отшелушился, как луковица. Вроде не убыло от меня, но откуда все взялось?!

– Может, это не ты, может, это Бездна такая, а Небытия, как такового, не существует? – Манька с ненавистью взглянула на Дьявола. – Может, миллиард килоджоулей энергии скопились в одном месте и решили, что они сами по себе, а все остальное само по себе? И встречает нас там Господь, который выставил тебя... И Спаситель... Мудрые люди тебя не любят!

– А как она туда попала? Я ударить решил, или Бездна от меня отказалась? – засмеялся Дьявол. – Интересная теория, только, когда вы туда уходите, я понимаю, сознание Бездну интересуется меньше всего. Красная глина – всего лишь материя. Высосала последние капли энергии, выдавила вон, а сознание ушло в Небытие. И если я не успеваю в это время собрать первоматерию, ей тоже недолго остается. Хорошенькая перспектива! Ладно бы материю изводила, а возьми Сварожича – Подвселенское пространство, который вмещает и Перуна, и Велеса – сути животворящие земли Небесной и Поднебесной! А и то, летел-летел, да и утонул во Тьме. Он не ты, он Бог, мой, так сказать, внук – сын Сварога, который пространство вселенной в целом.

Умом человеческим нас нельзя понять, мы не произведения земли, мы Боги, которые не имеют внутри себя ничего, что привык видеть человек. Мы злые, и враги, когда и тот и другой спит и видит войну не на жизнь, а на смерть. И нет никакой возможности договориться... Бездна – объективная физическая (для меня!) сила, которая не обладает сознанием и противостоит мне, а я защищаюсь от нее. И если перейдет хоть одна черта из Закона, ужас придет на землю. Все, что ты видишь, изменится до неузнаваемости, кровью станет каждый атом, который разделится сам в себе и обратится в зыбкий туман, рухнут своды Поднебесной, смешиваясь, и она погрузится во Тьму, все исчезнет – один я останусь и Бездна.

– И почему я вас слушаю? – Манька тяжело вздохнула. – Если у меня, как ты говоришь, есть земля, которая меня не знает, на что она мне?

– У земли на земле есть миссия: стать автономией, чтобы успешные мои проекты примерить на себя и определение состряпать, – осуждающе посмотрел на нее Дьявол. – Я могу что угодно слепить, а дать оценку – только независимый эксперт. Взять тех же динозавров – уменьши я их в тысячу раз, они бы только спасибо сказали – крокодилы не жалуются! Земля принадлежит вам условно, как комната в общежитии, как изба на курьих ногах. Я, Дьявол, для земли единственный Мудрый Правитель, а все остальные – враги. Она записывает за вами каждый вздох, каждую мысль, чтобы научиться быть собой и войти в Сад-Утопию, как творение, как украшение – и украшает себя, как невеста.

И вот, я скажу: а покажи-ка мне Манькино сознание!

А у тебя в матричной памяти записано достойнейшее существо. И кого она вытащит на свет? Для нее тебя как бы не существует, ей что твоя красная глина, что запись Благодетельницы, которая утверждает, что она ее сознание – все едино. Благодетельница – царствующая особа, великосветская львица с изысканными манерами и утонченным вкусом, Истинная Праведница... И кому, как не ей, открывать мне глаза? А ты – босяк, бесполезная и убогая, она для земли – гордость, а ты – стыдоба на все времена.

Это не твоя, это моя земля, моим сознанием понимает, как кровожадна и ненасытна тварь, которая покусилась на твою землю, в которой меня как бы нет. Знает, что Милая Праведница с удовольствием и мне вырвет глаз. Это моя земля знает, что ты не прошла мимо, когда ранили ее, избы тебя полюбили, а избы, знаешь ли, край земли, куда приходят и уходят люди, – Дьявол тяжело вздохнул. – Да и я, признаюсь, принял бы тебя... Но без своей земли ты не выживешь. Жалкое дрейфующее во тьме существо, которое будет спать и не видеть снов. И я ничего не смогу тебе показать, каждое мое обращение станет тебе мучением. Только через свою землю можешь видеть, слышать, чувствовать и мыслить.

Простой пример: земля одинаковая, а разве одинаково питает деревья?

Посмотри на людей, кто-то в сумасшедшем доме заперт, кто-то на престолах сидит, кто-то не может два плюс два запомнить, а кто-то за неделю осваивает иностранный язык, а ведь красная глина у всех одинакова.

И земля.

Но твари, которые населяют ее, как люди, которые и мучают, и пожалеют иной раз, или сделают пророком, или будут обманывать день за днем и в малом. Вы никак не чувствуете землю, вы лишь пользуетесь тем, что она вам дает, и даже не способны понять, что жуткая тварь закрыла вас, а земля уже не поит и не кормит. Земля – это и есть ангел, который может поднять человека до небес, а может пригнуть.

Вампир не тебя, ее обращает в раба, чтобы она служила ему, и славил, и никогда не вышла на свободу. Но твоя земля – это ты, твое сознание заключено в ней, а когда я выну тебя, твоя земля даже не заметит, она просто снова станет моей землей, как становится тело покойника прахом, в котором жизни нет.

Правильно, Манька, перспективы у тебя необычайно противные. Там мои слова, направленные на сознание, удивительно проникновенны и материальны – гуманнее убить человека. Да ты и сама выбрала бы смерть, если бы обнаружила себя во Тьме, которая навеки стала твоим прибежищем. Бездна не мучает человека, она убивает недолго.

В общем, я не для того поднимал вселенную, чтобы обливать слезами мученика, по имени Маня...

Другое дело – полчища демонов в аду, которые станут твоим бытием. Ты могла бы попробовать избавиться себя хоть от некоторых, пока ты и земля одно целое...

Манька почувствовала, как слезы катятся по щекам. Было нестерпимо обидно, что придется уйти вот так, в неизвестности.

– Ты же Господь, вот и исправь! Помоги мне!

– С какой радости?! И как?! Я могу долго рассказать про ужас в твоей земле, но разве он уйдет? Ужас – боль, страх, тени. Боль нужно выпить, страх побороть, выдавить тени, чтобы увидеть свет. А как, если память мертва? Демона нельзя убить, если он умнее, а он умнее, ибо сумел полонить землю. Мне будет некуда положить тебя, везде станешь чем-то вроде болезни, и мой иммунитет начнет вырабатывать против тебя антитела. Куда как проще уйти тихо и безболезненно, если не поумнеешь прямо сейчас, прямо в этой жизни. В последнее время я даже не берусь за воскрешение мертвых – затраты себя не окупают. Воскрес, посмотрел вокруг – и умер в тот же миг...

– А ты облажался новым вампиром, – хлопнула она носом.

– Что я могу сказать... И вампиру надо жить, и вампиру надо кушать. У вампира свой интерес, у меня свой. Но, в общем-то, наши интересы похожи, нам обоим нужно чуть больше, чем имеем. А что ты? Твой интерес – оставить нас с носом, приструнив вампира и хапнув у меня горсть земли...

Но, помилуй, ты сейчас разговариваешь с Подлецом, который угоняет людей в рабство лишь за то, что ручонки потянул не в ту сторону!

Подлость, Маня, тоже имеет высшие ступени посвящения. Я – Совершенство, который их все постиг. Я самый Совершенный Вампир, Совершенныйоборотень, Совершенный Бог, который как самый Совершенный Праведник... Творец, Мудрец, Маг, Искунитель, Спаситель, Разбойник...

Короче, кто бы не наступил мне на ногу, я смогу ответить достойно.

– Значит, я умру, а вампир останется жить? А мне не надо жить?

– Ну, тебе грех жаловаться! – развел Дьявол руками. – Ты плохо прожила? Все у тебя было: лето, избы, (не одна! две!), вопли оборотней, имущество, которое оценилось бы в миллионные состояния, приключения, мучения, слияние с природой и погода по вызову... Жизнь у тебя была ключом! Но беда в том, что аппетит приходит во время еды, и, имея все это, ты понимаешь, что тебе незачем умирать. Я развлекал тебя, как мог! Можно сказать, человека из тебя сделал!

Но, Маня, за все в этой жизни надо платить!

Если ты остановишься, я первый, кто скажет тебе: отправляйся-ка в свою сторевшую сараюшку – огород-то остался, и влачи жалкое существование – это твое. Или погребение готовь мерзости. Как только ты забудешь, что на тебе лежит проклятие вампира, ты в один миг потеряешь все, что имеешь. Твое сознание уснет, не замечая ужаса земли, которое поглотит и ее, и все, что она успела накопить за то время, пока ты была с нею.

Я не рык вампира, я кровушку его хочю получить.

От тебя! Как плату, за все мои, прости Господи, прегрешения перед вампиром! Где моя награда? Вампиры положили мне жертву – и ты вынь да положи! Они для смерти положили, а ты... ты пока на жизнь настроена. Пророк сказал: «Даем тебе Совершенного Помощника – и будет у тебя и в этой жизни, и в той богатство, счастье со многими женами!»

Ну, естественно, он там не был, откуда ему знать, что там и здесь я совершенно не одинаковый: здесь я хороший, там – плохой, здесь я Гад, там – Сказочная Фея, но в одном он был прав – я Помощник, но не бескорыстный. Ты или душу мне отдаешь, или полчища демонов. Я, можно сказать, покрутил перед тобой хвостом достаточно, чтобы уже определиться...

Манька обиделась.

Да, она забыла, как плакала по ночам, и давно спала, может быть, тревожно, но крепко, с уверенностью, что завтра будет новый день. Она чувствовала себя прежней, но были моменты, когда она понимала, что изменилась, стала умнее, сильнее, и ей было не так больно вспоминать свою прежнюю жизнь. Но, можно подумать, она не убивала Бабу Ягу, не снашивала железо, не боролась с чертями.

Почему Дьявол говорил с ней так, будто ничего этого не было?

– Мне жизни не хватит, чтобы объяснить тебе, как вампир думает, – мягко сказал Дьявол. – Разве что показать. Чего ты боишься? Живая идешь в Ад, и как бы земля не отрекалась, она не сможет выставить тебя. Покажи ей, как обманом ее ввели в заблуждение. «Прощай Земля, здравствуй Небо» – говорил о тебе Благодетель. Когда вернешься, скажешь наоборот. Ты будешь помнить о них, чего не смогут сделать те, кто уже окончил на земле свои дни. И знать. Даже если не вернешь себе землю (и у тех, кто имеет Закон, уходят годы и годы, чтобы выйти из рабства), пусть вернешься голым сознанием, кровь земли не станет тебе западной.

Когда вампир предстанет перед Судом – ты выдвинешь против него обвинение. Око за око, зуб за зуб. И потребуешь его землю на количество дней, которое он задолжал тебе, чтобы еще раз обойти землю, оставаясь абстрактно мыслящим существом. И уже не будет дерева, не будет сундука, в котором он хранит благочестивые помыслы о Благодетелях – ты останешься один на один с червями.

Суд, Манька, не редька с квасом, ведь и тут люди к суду готовятся основательно. Обиженный – еще обиженный, но взывает к справедливости, и Судья не имеет права не принять во внимание его доказательства невиновности или обвинения.

Я не человек, чтобы чернить одного, обеляя другого. А может быть, поймешь, что именно ты ввела в заблуждение душу, и она стала такой? Нет дыма без огня. Ведь это твоя матричная память отравляет его сознание ядом любви, твоя земля корит его, когда ум его исторгает молитву против зверя, истребившего его самого, ты пылаешь огнем желаний, от которого он сходит с ума.

– Я?! – Манька задохнулась от возмущения. – Я пылаю?! Дьявол, побойся Бездны!

– А ты докажи, что это не так! Ты проклята с рождения, а он разве не проклят вместе с тобой? Докажи, что мразь выставила тебя из земли и увлекла его за собой на nepотpeбствo! Докажи, что это он уготовил вам место в Аду. Докажи, что он знал о проклятии и преумножал ужас, добывая себе наслаждение, кровью скрепив договор с мучителями. И полдела сделаешь, чтобы вернуть себе землю. Вампир пока пьет твою кровь, а умрешь, почувствует голод – и он напьется крови у всех, кто приблизится к нему. И новые вампиры произойдут от него, и новые проклятые обречутся на смерть, и новые ужасы обрушатся на землю – твой грех! Есть такое выражение: «Приму-ка я грех на душу!» – это тот самый случай. Но будешь готова принять его достойно. Ничто не вечно – и жизнь вампира. И положишь перед ним всю мерзость.

– Вы думаете, если он поймет, что я его душа, что я не собираюсь ему... ну это... мстить, что раскаиваюсь, что ему так не повезло со мной, он перестанет быть вампиром?

– Тьфу ты! – плюнул Борзеевич в сердцах. – Кто про что, а дураки о братской похоти... – он подсел к Маньке, мягко взял за руку: – Маня, для вампира ты рука и глаз, который надо вырвать и бросить в геенну. Чтобы не соблазниться Дьяволом, не копать в себе, не сомневаться, не выпустить из рук учение вампиров, не ужаснуться, когда увидит обглоданную кость земли. Прекрасно, скажет вампир, когда узнает, что ты умерла. У него «жить» – как одно мгновение, «жить!» – внутри него. Он каждую минуту проживает, как последнюю в своей жизни. Вампир – больной человек. Как убийца, как вор, как маньяк.

Я видел, я знаю...

Сильные города рушились в один день, и головы, сложенные вместе, были выше курганов, а в реках текла одна кровь... Люди славят таких вампиров, восхищаются ими, даже не задумываясь, что там, среди убитых, были чудачки, жрецы, волхвы, изобретатели, врачи, художники и философы. Сейчас люди вспоминают их, как дрова. Сгорели и сгорели... А ведь для многих забота о ближнем было делом всей жизни. Никому из них и в голову не могло прийти, что человек может быть таким жестоким. И сейчас вампиры думают о человеке не лучше, и продолжают литься реки крови, и сосед ненавидит соседа, и кто-то убивает человека именно в этот миг. Тогда это было как черное и белое, тут вампир, а тут человек, а сейчас одинаково серое – повсюду. Вот и представь, что твоя голова лежит в этой куче, а вампир с победным ржанием гоняется за женщинами, вытаскивая из подвалов, добывает детей, врывается в дома и роется в вещах, чтобы отыскать колечко...

– Чем солонее своими горестями ты, тем приятнее житье-бытие вампира, – философски заметил Дьявол. – Они ведь как о тебе думают: ты разве человек? И спрашивают себя: что можешь им дать? И отвечают – ум твой ничтожество, и спасают душу твою, гордую и обреченную на неудачи, лишь потому, что ты, душа его, недостойна, чтобы называться человеком. Они жнут, где не сеют. Им нужна не совесть, а наглость, чтобы прийти и взять то, что им не при-

надлежит. И она у них есть. У живого человека за спиной стоит человек, а у вампира мерзость, которая несет его на руках, обнимая нежно.

И эта мерзость – ты! В душе которой живет неотступная любовь.

Спаситель сказал: «Придите ко мне, и я наложу на вас бремя, иго мое легко, и успокоятся души ваши...»

Вот они и успокаивают тебя.

Вампир и есть маньяк, но со смазливим имиджем, у него нет чувства вины, души, которая могла бы пристыдить его. Он поступает так, как удобно ему, не считаясь с чужими интересами. Он мертв – и этим все сказано.

Мань, ну ты же умная, ты все понимаешь, а с чувствами совладать нет сил, потому что заклиние сильнее. И так будет, если в нем не сделать прореху, чтобы сунуть в нее голову и посмотреть на себя из земли вампира.

– Если я умная, то где мои умные мысли?

– Ум – понятие относительное. Ты мои мысли поймать можешь, – ответил Дьявол. – Стонет твоя земля под бременем, но голодно ловит каждое слово, чтобы украсить нарядно. Вот такая красота украшает голову вампира. А тебя украшает пустыня, которая лежит перед человеком. И боится человек заглянуть в твой глаз, чтобы не быть убитым. У вампира нет живых мыслей, он не интересуется ничем, кроме молитв во славу себя самого, но привлекателен для каждого, потому что там он говорит с Богом и учится у него.

От Йеси поныне Царствие Небесное силою берется, и вампиры искренне полагают, что усилие восхищает Его, взваливая на человека иго и уговоря покой душе его. Для них не существует Бога, большего, чем он сам. И первым делом, он убивает любую мечту человека о самом себе. Все учения его сводятся к одному: жирел человек тут, и там его ждет тучная пажить.

«Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного»

А как можно творить милость в тайне, если сама по себе милость – благое подаяние человеку?

«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам;»

Не отвяжется вампир, пока не разденет.

«Ибо кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет»

Так ведь и выбирают, кому вампиром стать, а кому проклятым. Вампир помолится – получит, ты помолишься – от тебя убудет.

«Нет никого, кто не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной»

Если бы вампир не пообещал богатое житье, кто пошел бы за ним?

Но многим ли он может дать?

Обещал им Спаситель приблизить Царствие Небесное – и приблизил. Обещал устроить в Божьем – и устроил. Кто будет думать в Царствии Божьем о Царствии Небесном? И пробивают они тебя, чтобы ни тут, ни там не жилось тебе.

Я бы сказал, сильно побивают!

Вампиру нетрудно убить себя, чтобы сказать в твой адрес много порочащих слов. И говорят. Но если земля поймет, кто взывает к ней, она замкнет уста этим тварям.

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

Заметь, не себя! Тебя! И не жалеют себя, позволяя проклинать тебя всем, кто имеет желание. Но закрывают, чтобы никто не смог проклясть вампира с твоей стороны. Боятся они только могущих убить и душу, и самого его ввергнуть в геенну.

«Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную... Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее.... Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе? И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу, и тело погубить в геенне...»

Они уверены, что, убив ближнего и поиздевавшись над матричной памятью обоих, делают благое дело, забив себе теплое местечко в раю. И ужас в том и заключается, что, когда ближний умирает, они вкушают в Царствии Божьем Царствие Небесное, не изведав смерти. С твоей стороны они поднимали себя, с его стороны чернят тебя – это и есть та самая ненависть.

А если ты прибудешь в Ад не защемленная, да и нагнешь всех древних вампиров, которые сообщения таскают туда-сюда?!

– А почему всех не убивают? И было бы: один умный, другой горе поварешками хлебает... – она склонилась над записями, которые изучал Борзеевич, но ни одной знакомой буквы не обнаружила. Мало того, знаки, отмеченные им, сильно ее расстроили. Она примерно представила, как ее будут убивать эти двое. Или сожгут, или проткнут ножом, или скормят змеям – знаки были именно такими.

– А как они будут размножаться? Вампиром не рождаются – вампирами становятся. А кровь? А кто будет кормить их? Ради выживания всей беззаботной компании они нередко друг друга убивают – и за паству, и за место под солнцем, и за обильную пищу. И в природе хищники контролируют свою численность.

– Вот так вот возьмете и убьете меня?

– Убийство будет совершенно хладнокровное и без угрызений совести. Считаю – это гуманно. Стоит ли продлевать твою агонию? А если повезет, то земля разглядит разницу между тобой и вампиром, и тогда можешь считать, что Благодетельница... не в кармане, но не так далеко, как сейчас.

– Мне хоть как умирай, а Помазанница твоя все одно королевишна!

– А ты за других не думай! – Дьявол нахмурился.

– А вампиры меня в покое оставят? – жалобно проблеяла она, хлюпнув носом. – Вот умру я, а потом вернусь? В мертвое тело?

– Нет, не оставят. Они что, дураки? Но и знать будут, что любви у тебя к ним нет.

Манька почувствовала боль. Она вдруг ясно осознала, насколько обречен человек, который стал жертвой вампира: с обрыва бросишься, и то не дано убиться – из одной муки прыгнула в другую.

– Будь ты неладен! Богом еще себя называешь! Право, ты Бог – Бог Нечисти!

Умирать не хотелось. Больше всего на свете ей хотелось избавиться от Благодетельницы. Ради этого она была готова залезть хоть в пекло. Но ради жизни.

Скрытный был Дьявол, все в себе таил до последней минуты. Или говорил, но настолько точно, что в последствии она никак не могла взять в толк, как это не догадалась сразу подумать истинно. И получалось, вроде не пудрил мозги, а все равно оказывались запудренными. Манька и так и эдак ковыряла слова Дьявола, и не могла ни утешить себя, ни испугаться, как следует. И почему Борзеевич так странно спокойно себя ведет? Или они что-то не договаривают, или Дьявол опять водит за нос. Получалось, что она умрет, а потом или воскреснет, или из Ада посмешит вампиров. Как можно было умереть, не будучи умерщвленной насовсем?

Она в растерянности посматривала на обоих, кусая губы.

– Манька, это же лучше, чем шлепать по предначертанию! – Борзеевич чему-то радостно хмыльнулся. – В некоторых местах планы вампиров ты разрушила до основания, и оборотней на земле осталось чуть меньше. Стать собой – это навряд ли, но достать хоть одного вампира, чтобы дать земле своей разум, ужасно правильная мысль – одобряю! – поддержал он Дьявола. –

И не болтай ерунды... Слышала, небось, про шаманов? Разве они кого-то убивают, когда освобождают дух человека?

– У нас не тот случай... – одернул его Дьявол. – Мы должны не просто освободит твой разум, а подбросить тебя до Небесного Царства, поэтому умереть придется.

– Ну, умереть, так умереть... – Борзеевич разочарованно уставился в записи и тяжело вздохнул, снова ввергнув он ее в великую скорбь по утрате самой себя и всего, чем она успела обзавестись.

Но не передумал...

И несколько не расстроился предстоящей ее кончиной...

А ведь она-то почти поверила, что у нее появился друг.

И избы... Чего-то вымеряли и носились по лугу и полю, не обращая внимания, что топчут посевы. Все сразу и срочно загорелись идеей избавиться от нее.

Похоже, по-настоящему тут ее вообще никто не любил.

После таких мыслей, она невольно почувствовала себя чужой и ненужной. И лишней. Она собралась и пошла вдоль берега, чтобы не видеть своих мучителей. Выходить за пределы летней земли и ей, и Борзеевичу Дьявол запретил строго настрого, оборотни землю сторожили, шныряя окрест, но сейчас она отошла подальше, спустившись вниз по реке. Зверей она уже не боялась, лишь удивилась, как много их. Наконец, упала в траву и лежала долго-долго, вспоминая свою жизнь и оплакивая себя.

Глава 2. Строительство Храма с дорогой в Ад

Весь оставшийся вечер и следующий день Борзеевич и Дьявол украшали избы. Дело это было ответственное. Разложенные на столе чертежи старого Храма оказались из времен таких далеких, что Манька сомневаться перестала, что по таким чертежам избы не смогут стать Храмом.

Дьявол начертал на стенах входы и выходы, какие должны быть в избах, подкорректировав старые записи, потом обошел вокруг изб, втыкая колышки. Храм решили разместить на краю луга, где он никому не мешал. Избы, как только поняли, что им придется стать Храмом, раздулись от важности, встали друг против друга дверями, а посередине образовался крытый навес, который должен был послужить храмовым двором.

Во дворе посередине поставили Алтарь, украсив позади символическими воротами в Небесное Царство. Алтарь сделали из неугасимого дерева, украсили ветками, которые тут же проросли. К Алтарю вела широкая дорожка, посыпанная цветным гравием, который притягивали водяные. Камушек к камушку, по цвету и размеру, выложенные узором. Кто-то прикатил с гор нетесаные камни, из которых соорудили жертвенник, расположив его перед Алтарем.

Серебро с изб еще не сошло полностью, они не спешили сбрасывать с себя дорогое одеяние, так что Храм получался не абы какой, а очень даже нарядный, сияющий в свете солнца. По большому счету, рассудил Борзеевич, в храмы люди серебро и прочие драгоценности несли, а к избам оно пришло само: чем не святое воздаяние?

Земля тоже не поскупилась, по велению Дьявола вокруг изб выросли земляные валы и укрепления. Старшая изба стала правым крылом Храма, а изба-баня левым.

Одно плохо, изба-баня, когда стала Храмом, баней быть уже ни в какую не захотела – решила, Храмом быть престижнее, а старшая наотрез отказалась готовить еду, так что каше-варить пришлось самим, а мыться на реке, грея воду на костре.

Второй день приготовлений пролетел незаметно, Борзеевич, как Главный Храмовник, чем-то занимался внутри, но к концу дня Храм был готов.

Манька бродила вокруг да около и не находила себе места, пока Дьявол не прикрикнул на нее, заставив принять участие в устройении Храма. Все помещения имели какое-то значение, и ее посылали то в одну комнату, то в другую, заставляя запомнить расположение Храма, чтобы в Аду она смогла примерить устройство Храма на себя и на свою землю. Она долго путалась, пытаясь запомнить, пока Борзеевич на каждой двери не повесил табличку.

Левое крыло Храма символизировало землю вампира, правое – ее собственную. И даже чердак и подвал у земли, оказывается, имелся. Ей объяснили, что в Аду она должна стоять, как суслик-столбик, посередине двух земель – во дворике, и обозревать обе земли, каждая из которых была разделена на три части, а еще как-то заглянуть на чердак и в подвал, которые у земель тоже имелись, а поверженных демонов и древних вампиров сжигать на жертвеннике, чтобы благоухание их порадовало Создателя...

В Храме было пусто. Вход в Храм не предполагался для простых смертных, которые не имели в том особой надобности, поэтому отсутствие прихожан огорчало только Борзеевича.

Манька до самого последнего момента не верила, что ее будут убивать, до службы она одна толпилась у ворот Храма, заглядывая внутрь через щель.

Первую службу отслужили вечером.

Ради такого случая ее заставили помолиться земле и Храму и пустить стрелу, как научил ее Дьявол, подстрелив голубя, который повадился гадить на чердаках изб. Избы давно пытались его изловить: после ущемления Бабой Ягой, они болезненно дорожили своей чистотой. Метла только гоняла фекалии из угла в угол, пока Манька не брала в руки совок и веник. Так что голубь был поражен не зря.

Его рассекли на две части и возложили на жертвенник из камней. Дьявол растворился в небе, ухнул оттуда молнией, запалив его. Между одной и другой частью пробежал жидкий огонь, и голубок, восстав из пепла, улетел восвояси, получив хороший урок.

Борзеевич помолился на оба крыла Храма.

С обеими избами пришлось повозиться, прежде чем обе они изволили успокоиться, отвечая умными флюидами некой мыслительной материи, которые не воспринимались никак, разве что Манька вдруг ясно припомнила некий эпизод своей жизни. Припомнила так, как не могла припомнить ни до, ни после, как будто избы пропустили через себя частичку ее матричной памяти, которая после встречи с вампирами отсутствовала напрочь, очистив ее и вернув ей.

Знак был хороший – Храм действовал по всем правилам, написанным в той книге, которую Борзеевич взял за основу храмовых церемониалов.

Все остались довольны, даже Манька слегка успокоилась. После воскресения голубя, она поверила, что Дьявол способен воскресить кого угодно и где угодно. О таком чуде она читала, но увидеть своими глазами оказалось куда как впечатляюще. Конечно, быть рассеченной надвое ей хотелось бы меньше всего, но ее смерть была делом решенным. Даже водяные посчитали это благим делом.

И тут Дьявол заявил, что воскрешать себя она будет сама...

Оказывается, воскрешал он не покойника, а человека, у которого напрочь отсутствовали жизненные силы, который был на грани умерщвления – самое запущенное в мерзости и гниении перед лицом его существо, которому трех жизней не хватит, чтобы воскреснуть. Проклятый человек в Храме истаявал от кровопролития, поэтому мог напугать остальных адептов и учеников, да просто желающих обрезать крайнюю плоть сердца, поэтому его помощь в воскресении была корыстной, исключительно для поддержания веры прочих воскресающих в себя, когда они не видели конца и края мучителям. Не как чудо, а как естественный процесс упорного и неусыпного бдения собственных внутренностей, для познания всяческих ухищрений нечисти. А раз она одна, да еще воскресать собралась через вознесение на небо, можно сказать, ускоренным курсом, никакой пользы от помощи для себя не увидел.

Храм – как доказательство Дьявольского Бытия, должен был призвать народы к ответственности, которые не соблазнялись бы вампирами, а берегли свою душу, собирая сокровища на земле. В таком Храме, где под руководством жрецов и волхвов по несколько лет люди поднимали себя, обучаясь протыкать Твердь, Дьявол объявлял себя Господом Нетленным Живым и Сущим, а вампирам уготовлялась незавидная участь, когда их настраивали к человеческим летам. Доживали они свой век не солоно хлебавши, иногда улетаая в Царствие Небесное задолго до души.

Волосы у нее встали дыбом.

Сам Дьявол отрекался от своего слова и пускал смерть ее на самотек...

Груз пережитого навалился на нее снова, открывая перед нею нерадостную перспективу отправиться на тот свет безо всякой надежды на возвращение. Остальную речь его она слушала с одной мыслью: пора бежать, а куда? Всюду ее ждали оборотни, вампиры и прочая нечисть, и ступи она за пределы земли, которая обращала их в зверя, конец был бы таким же.

Честность Дьявола поражала воображение...

Откуда у нее взялась мысль, что она снимет с себя проклятие? Дьявол не допускал никакого отступничества от Закона – выстреливал тут же. Вот как сейчас. Ведь не зря люди пришли к тому, что жить надо своим умом и в злобе своей, и с таким остервенением и радостью разрушали храмы, жгли и растаскивали на камни, убивая их обитателей, что храмами он уже не пытался вернуть себе былую славу. Побратимы Дьявола, Спасатели и Спасители устроили свои храмы, в которых собирали сокровища... как положено, на земле.

Правда, пользовались ими уже другие, по закону: «Кто не ищет дать душе своей, истинно станет как пыль дорожная, будет собирать, но останется нищим».

Но никто об этом не жалел, все понимали: лопухнись перед Дьяволом – и полчища бедствий обрушишь на свою голову. Лучше прожить коротенькую жизнь вампиром, чем добывать такую же недоказанную, как Дьявол, вечную жизнь.

Манька упала духом...

Прыжок решено было совершить к вечеру следующего дня, после того, как все отоспятся, а она приведет в порядок мысли. Прыгать в землю Дьявола должно было с холодным умом и чтить только тот ум, который мог бы придать статус благонадежного союзника адовых порядков.

Но Манька понимала: хоть какие у нее будут мысли – бесовские твари отправляли ее на тот свет и при этом радовались, искренне полагая, что вершат какое-то доброе дело.

Как после всего этого она могла привести свои мысли в порядок?!

Наконец, после признаний Дьявола, и Борзеевич, и избы насторожились, внимая его словам с осторожностью.

Наверное, неспроста Дьявол волновался...

Борзеевич, при всех своих знаниях, память имел дырявую. Мало что оставили от него оборотни и вампиры, когда положили на обе лопатки. Память, обычно, возвращалась к нему, когда вдруг обнаруживал у себя нечто, связанное с его прошлым, припрятанное кем-то и где-то или зашифрованное в посланиях, когда сталкивался с этим лоб в лоб. Например, о героях, которые хаживали к Дьяволу, он помнил мало, смутно, как забытый сон, когда видел Маньку и Дьявола вместе, и тут же находил у себя в карманах неопровержимые доказательства, что такое бывало и раньше. А спустя какое-то время, начинал припоминать, как и при каких обстоятельствах были оставлены те самые доказательства.

Избы не столько помнили, сколько желали, чтобы так они и было. Они никак не могли поверить, что их в природе как бы не существует, что люди помнят о них только по сказкам, и они последние. Сказки Манька избам читала вслух. И возмущенно скрипели половицы, потому что даже по сказкам выходило, что люди о них не помнят, будто во все времена в них только Баба Яга жила. И уж совсем расстраивались, когда печка как бы одно, а изба другое...

– Слушай, а нельзя как-то иначе? – подкатила она к нему, когда они остались наедине. – Бог ты или не Бог?! Если смог человека слепить, наверное, есть другие пути...

– Нет, – отказался Дьявол ее выслушивать. – Иначе приведет тебя перед мои светлые очи и поставят мне в укор, что нечестивой грешнице предоставил сухой паек. И потребуют такого наказания, чтобы неповадно было моим добрым расположением поганить обще вселенское достояние миропорядка, сотрясая основы Бытия. В Аду я – самый что ни на есть Бог, только мне можно поклоны бить, а «иначе» получится, что это я тебе поклоны бью. Славословие не в чести у нас, не трать время, лучше иди, изучай как земля устроена, и где твои древние вампиры спят, а где демоны ближнего.

Манька потеряно бродила по земле, прощаясь со всем, что успела полюбить...

Оказывается, не наказать уклонившуюся от наказания грешницу, Дьявол не имел права, потому как рыба гниет с головы. И где она, там еще какой-нибудь умник найдется, да не где-нибудь – в Аду, в сердце Закона. А в гневе Дьявол был страшнее, чем все пытки и смертоносные изобретения человечества – так он сказал о себе, предупредив, что радоваться мучениям в Аду должно только Господу.

Манька промолчала: в чужой монастырь со своими уставами не ходят. Хотя какая ей разница, если умный Господь сам будет ее убивать...

В конце концов, Дьявол сам подошел к ней, чтобы помочь добрым советом и напутствием.

– В Аду я сам не свой, – виновато признался он. – У меня там все безымянные с пробитым номерком на количество угождения нечистотам земли. Ты уж, Мань, не привлекай к себе внимания, – попросил с тяжелым вдохом. – По вашему недомыслию земля твоя такие муки пережила, что Бездна может показаться самым безобидным местом. Не взбрыкни. Бедственное положение не повод стелиться разной погани под ноги. Главное, постарайся не пасть духом, когда выйдут на тебя полчища врагов. Единственное, чем могу помочь, подсказать: ищи того, кто спит и видит вернуться к своей любимой.

– Найти душу Помазанницы... – догадалась Манька, сверля Дьявола тяжелым взглядом. – А попинать ее разрешается?

– Ну, душа, это мягко сказано, – ответил Дьявол с сомнением, пропустив ее сарказм и неприязнь мимо ушей. – Там, Маня, все души я давно разобрал на части и жду не дождусь, когда второе сознание прилетит. Души, как таковой, нет давно, но мыслительные процессы прочесть по выкрикам можно. Например, мысли вампира о самом себе... Маня, поверь, там тебя ждут замечательные друзья, – обнадежил он то ли себя, то ли ее.

– Покойники что ли?

– Ну почему сразу покойники... Мертвому нельзя доверить свою жизнь. А черту можно. Не здесь, а там, где он гордость Ада и силен, как черт.

Манька невольно усмехнулась: как можно доверять этим поганцам, которые и били ее, и плевали в нее, и мололи такое, что умом могла повредиться?

Старик Борзеевич, наконец, осознав, в какое отчаянное ввязался предприятие, так распереживался за Манькин предстоящий прыжок, что после обрядового посвящения изб в Храм, ходил до ночи дерганный, злобный, огрызался, и все у него валилось из рук. Он удалился в поле, долго сидел на пенке, ссутулившись, а в конце насобирал огромный букет полевых цветов и туесок малины, и пока никто не видел, положил их к Манькиному изголовью.

Спали возле костра. Вот и пригодились брошенные оборотнями спальные мешки и палатки – после них много добра осталось. И бинокли, и термосы, и походные котелки, и снасти рыбацкие, и настоящие лыжи, и теплые не продуваемые зимние костюмы, даже аппараты дальней связи и видеокамеры, которые мог только очень цивилизованный человек себе позволить... Борзеич постелил себе несколько надувных матрасов, укрылся цветными одеялами.

Цветам она обрадовалась – не без злорадства.

Значит, и у Борзеевича имелась душа.

Цветы были красивые, но поставить их оказалось не во что. Все вазы стались в Храме, куда войти ей разрешалось только днем. И она пожалела, что Борзеевич зря загубил ради нее такую красоту, но теперь она не сомневалась, что цветы будут долго стоять на ее могиле – есть кому положить.

Малину съела, запивая молоком. Может, в последний раз.

В отличие от Борзеевича, который сразу сладко засопел, она так и не смогла сомкнуть глаз. И ворочалась, и овец считала, и по берегу прошлась, подышав свежим воздухом, и поела – может, хоть так! – а сна все не было. Мысли были заняты одним: каково оно там в Аду? И сможет ли она вернуться? Уснула она засветло, когда солнце вот-вот собиралось взойти, и уже разлилась на горизонте красненькая полосочка, предвещающая погоду и не худую, и не добрую...

Никто ее не будил, пока не проснулась сама. Гордые своим предназначением избы за ночь как будто подросли, стояли сурово, безразлично взирая на полноводную реку, которая безмятежно катила свои воды мимо, на зазеленевший после пожара новый лес, на прочих обитателей земли, снующих туда-сюда по своим делам, широко открывая двери лишь Борзеевичу, который исполнял в Храме службу.

Дьявол и Борзеевич уже готовили обед. Даже припасли кое-что к ужину. Не торопились, час – два ничего не решали. Прыгнуть с крыла Храма можно было и через неделю, лишь бы

все получилось, и Манька с дуру чего не напутала. До прыжка оставалось недолго, его назначили на время, когда край солнца заденет горную вершину, и на противоположной стороне взойдет убывающая луна. На всякий случай. Прыгать можно было в любое другое время, но Борзеевичу, помнившему наизусть все передвижения планет и звезд, такое состояние светил показалось хорошим знаком.

Шли последние приготовления. Борзеевич весь день совал под нос схему-рисунок, в котором Манька уже разбиралась, заставляя снова и снова повторят расположение храмовых комнат, которые соответствовали земле, убеждая ее, что каждый демон имеет свое место, и по тому, где он спал, можно определить, чей он – ее или вампира. А были еще такие демоны, которые могли обретаться и там, и там, они и становились древними вампирами.

Дьявол заверил, что резать и жечь огнем ее не будут, что все, что от нее требуется, прыгнуть в обозначенное место с высоты нескольких метров.

Манька смерила избы взглядом и усомнилась: если избы не встанут в полный рост, скорее всего, смерть ее обойдет стороной. Она прыгала и с высоты поболее. Если, конечно, внизу не будут натканы колья. Сам Дьявол учил ее падать, и тем самым не оставил никакой надежды на смертельный исход прыжка. После его заверений, возможно, устав от переживаний, она вдруг успокоилась, принимая запланированную смерть, как провал предприятия, и слегка ухмылялась, когда Дьявол выдавал ей новое наставление.

Во-первых, он сразу предупредил, что поспать в Аду ей вряд ли удастся. Сознанию, лишенному телесного плена, осознание Бытия было доступно круглосуточно, пока его не покинут последние капли Дьявольского дыхания, а вдыхал он свое дыхание с запасом, которого без подзарядки должно было хватить на сто двадцать лет.

Водяному и по просьбе в гостеприимстве было отказано.

В щель, которую избы все же оставляли, чтобы Манька и водяной понимали, что поведение их вызвано необходимостью благой цели, которая благом должна была дать, в первую очередь, ей, рассмотреть ничего не удалось, кроме стены, которая закрывала вид на внутренность Храма. Водяной поначалу обиделся, но, выслушав объяснения, крикнул и пожелал Маньке доброго пути, и совершенно успокоенный отправился гонять по реке стрекоз и рыб, и был совершенно счастлив: вода, наконец, прогрелась настолько, что можно было высаживать водяные лилии и кувшинки и принимать у рыб роды родов. Предстоящую ее скорую смерть он принял как все: с пониманием необходимости и торжественной значимости момента. И не забыл напомнить, что там, у Дьявола, свои порядки, и что более прекрасных мест он не видывал, пообещав, что на церемонию придет обязательно.

Последнему высказыванию водяного Манька очень удивилась.

Она уже не знала, что думать...

Как Ад мог быть прекрасным местом?

Водяной ушел, оставив ее на берегу одну.

Глава 3. Философия Дьявола

До прыжка еще оставалось часа четыре. Манька сидела на берегу, смотрела в воду, пытаюсь настроиться на смерть. Выходило не очень. Люди постоянно умирали, да и она не раз о смерти подумывала. Но то было раньше, сейчас все изменилось. Знай она о будущем, сейчас бы без раздумий выбрала железную дорогу. Но где конец ее?

Не пора ли остановиться?

Искать всемогущую Помазанницу расхотелось. На что она ей, когда все у нее есть? Любой человек позавидует. Только понимание, что неугомонные вампиры сами за ней придут, если не доберется до Помазанницы первой, являло жизненную необходимость покинуть это благодатное место, о чем без тоски думать не получалось. Теперь понятно, почему люди, имея закуток, который считали раем, никуда не лезли и сидели тихо, чтобы их не заметили, даже когда соседа ограбили и самого его развеяли по закоулочкам – и никто за нее ни разу не заступился. Сейчас ей тоже никуда лезть не хотелось, а убогие и обиженные люди остались где-то далеко, как сон в майскую ночь.

Но умирать-то зачем?!

От этой мысли сразу становилось жалко себя до слез, а солнце неумолимо двигалось к вершине, чтобы коснуться и завершить ее путь.

Может, Ад или Рай замечательное место, но ее туда не тянуло...

Ее горестное уединение нарушили Дьявол с Борзеевичем, удовлетворенные проделанной работой. Дьявол основательно промыл Борзеевичу мозги: расстроенным он не выглядел, раздувшись от важности, как будто на должность Главного Храмовника его назначили пожизненно. Напялил на себя сутану в цветной горошек, подвязавшись пеньковым пояском, посох таскал с собой, нацепил на себя несколько рядов бус из перламутровых ракушек из полупрозрачных камушков, которые нанизали на леску русалки.

Обижаться на старика Манька перестала, радуясь, что есть кто-то, на кого можно оставить избы – с ним не пропадут. Старик умел поладить со всеми – и с избами, и с водяными, и со зверями. Ему здесь нравилось. Как и она, он уже считал это место домом, довольный тем, что есть куда на старости осесть и зажить, не думая, что его снова разденут оборотни. Впервые за тысячи лет он нашел с кем объединиться и смог отвоевать у оборотней землю. В корысти она его не подозревала, он был добрым, добродушным и не жадным. Чудной старик, похожий на старичка-лесовика. Невысокий, едва ей до плеча доставал, но сила у него была нечеловеческая. Она убедилась в этом еще раз, когда он легко поднял огромный валун, будто тащил обычный мячик, который ребяташки по полю гоняют. И перемешался, не в пример человеку, быстро, иногда вырастая перед нею, как будто из-под земли, но пользовался своим умением редко.

– Ты бы поспала, – предложил Дьявол.

– Не хочу, – ответила Манька, уткнувшись лицом в колени и обхватив их руками. У берега резвились рыбешки, выскакивая за мошкаррой, которая тучами вилась над водой, и мирно летали стрекозы. Здесь ничто не напоминало о том, что еще середина зимы не наступила, разве что прибитые к противоположному берегу льдины. Разговаривать с этими двумя, которые готовили ее на тот свет, не хотелось.

– Интересно, кому это все достанется, когда меня не станет? – расстроено вздохнула она. – Так приятно думать, что это моя земля... Убить бы ту Тварь, из-за которой приходится все потерять.

– Фу, Манька, какие у тебя грубые слова! – скривился Борзеевич, голос его звучал бодро. – Мы не убиваем, мы давим интеллектом. Убивают – когда ты и она – и покалеченность, несовместимая с жизнью. Нам пока такое недоступно.

В руке он держал ведро. Русалки поднимали ему со дна красивые стекляннистые камушки, янтарь, жемчужины, которые на берегу не найти. Эти камушки он бросал людям, которые пришли за их головами, и те сразу забывали о цели визита, начиная рыться в земле. Все искатели царской награды сместились на берег небольшой речушки, которая впадала в озеро километрах в пятнадцати от благодатной земли. Там Борзеевич набросал камней больше всего, еще и золотым песком посыпал. Земля в том месте оттаяла, но лето еще не наступило.

– В единственном числе, я с вампирами не воюю, – поправил обоих Дьявол. – Вы ведь ждете, что я напугаю вампира роковой участью? — сложил фигу и выставил им в лицо. – А это не хотите?! Вампир – новая земля, а от тебя, если живая останешься, один убыток! – и улыбнулся: – Это, Манька, не твоя земля – моя, но твоя ничуть не хуже, если облагородить.

– Вампиры подышают когда-нибудь? Я что-то не припомню среди умерших ни одного знакомого, хоть сколько-то похожего на вампира, – сердито буркнула она.

– Ну-у, бессмертным только я могу быть, – Дьявол присел рядом, дружески похлопал по плечу. – Проблемы у них те же, что и у человека. Бывает, напоят кровью человека, который проклят уже, или наоборот, специально опустят вампира до проклятого – и ни тот ни вампир, ни другой, оба умиранию подлежат. Или вдруг звезда с небес падает. Висела-висела – и закончила свои дни, а окромя ее звездой не предусмотрели. И, о, боги! – проклятый начинает понимать, что злобная тварь щерится ему в лицо. Или между собой чего-нибудь не поделят. От руки вампира вампир не хуже человека умирает, если тот выше по статусу – еще один стимул подняться над всем сообществом. Или от укусов оборотней помер, которых другой вампир отправил за его головушкой. Раньше от руки волхвов и жрецов умирали, но давно это было. Иногда старость берет свое. Стать чистокровным бессмертным вампиром в наше время почти невозможно, это надо в вампиры с младенца готовиться. Раньше так и делали: находили душу и воспитывали до совершеннолетия, а как время пришло, тут же обратили в проклятую, а сынок Благодетелем стал. Где ты слышала, чтобы воспитанница вдруг в люди вышла?

– Я вот смотрю на землю, на избы, на тебя, на себя, и понимаю, если б человеку жить не мешали, не пили кровь, какой был бы идеальный мир! – расстроено подняла она голову, окинув даль. Зачарованные Горние Земли, укрытые белым покрывалом, лежали внизу, просматриваясь на сотню километров, и где-то там, где, далеко, откуда они пришли, как маленькие, едва заметные заплатки пестрели зеленые проплешинки – лето шло за ней.

– Хм, Благодетели могут пить кровь, пока не приблизятся ко мне, – пожал плечами Дьявол. – Для вас это конкурирующая сторона, призванная совершенствовать наделенных умом людей. Кто дорожит своей кровью – пить не позволит.

– Ты на все найдешь себе оправдание... Как не позволить-то? Они как боги, столько секретов у них, столько знаний, столько возможностей. Легко тебе рассуждать, у тебя нет врагов.

– А Бездна? – с жаром напомнил он. – Она мне по силе не уступает, мы с ней равны. Дам слабину – и земля уйдет из-под ног, все вернется в изначальное состояние. Но был бы я Богом, если бы считал Богом ее? Ты, вот, меня обвиняешь, что я не справедлив, а где мне было взять еще такую горочку, по которой человек прокатился бы, и доказал, что он на кровь мою не покусится? Все хотят жить вечно, а это, знаешь ли, привилегия Бога, и жить вечно только тому дано, кто глаз и душу его радует. Один ретроград, второй страсть, как кровушку любит, третий слышать ничего не желает, пока лбом в пекло не сунешь, четвертый бессмертием грезит, думая, что будет реинкарнироваться, как программный вирус... И что мне делать с такими вечными отбросами? Я не комп, я существо выше вируса, я интеллект, которому нет равного. И моя земля не помойка – она живое существо. Все хотят Богом в земле стать, не имея о ней ни малейшего представления! Ну, так стань, для начала, Богом в своей земле и внемли брату, как я внимаю Душе Своей.

– Я тоже внимаю! – расвирипела Манька, вскинувшись. – Только брат мой уготовил мне скотскую жизнь... Закон, Закон... Ты лучше придумай способ, как разминировать себя и

не печалиться о брате. Я тут подумала, а чего это я Благодетельницу недолюбиваю? Может, лучше сразу от ребра избавиться? Глядишь, и оба отвалятся, как сухие коросты. Судя по тому, что я чувствую, без моей любви им никак, только и ждут, что буду любить врага, благословлять проклинающего, молиться за ненавидящего. Не зря они в меня столько этой любви понапи-хали. Чего после этого бояться вампиру? Уверен, наверное, что я тут молюсь на Благодетелей и волос с его головы от моей руки не упадет.

– А разве это не так? – ухмыльнулся Борзеевич, бродивший неподалеку по колено в воде. – Рука не дрогнет, когда предстанет перед тобой вампир? Улыбнется тебе ласково – и растаешь. Не поднимется у тебя рука на того, кто по виду всей душой от тебя без ума. Оттого и решили, что должна нутро увидеть, а если не получится, тебе все равно не долго жить. Даже не поймешь, как наживку проглотила и крепко на крючке сидишь.

– Ох, Маня... С ближним все гораздо сложнее, чем с той же Помазанницей, – объяснил дьявол. – Грань между добром и злом очень тонкая. Бездна противостоит мне, но я ее люблю. Язык ее прибит к Тверди. Кто бы я был, если б от нее отказался?! Она в каждой частице все-ленной заключена вместе с тем, что от меня. А кем станешь ты, если от тебя половину отнять? Животные ближнего не имеют, и оттого нет у них способности размышлять, чем добро от зла отличается. Твои враги бьют и калечат не только твою землю, но и его тоже. Открой свой ужас – и тебя саму стошнит.

– Разве не он отдал нас обоих на разграбление? Что за любовь такая, когда ее на крови замешивают? Почему несет на себе моих мучителей и садит на мой хребет?

– Он несет тебя! – строго ответил дьявол. – Никто другой не смог бы стать для его земли заменой тебе. Но ужас в том и состоит, что в матричной памяти не ты, там другой человек, который как ты. Вампиры – мертвецы, которые всеми силами исполняют программу, на кото-рую сами себя запрограммировали. Когда вампиру что-то нужно, он не станет мучиться мыс-лительным процессом, проткнет тебя снова и снова. Но сама программа идет от тебя! И ты наследуешь его землю – ты! – если окажется, что ты праведница. Так прими наследство, чего она валяется бесхозная? Выпей боль, выстрой крепость, и начинай войну – я буду молиться за тебя.

– Может, лучше на своей, – Манька не сдержала улыбки, вспомнив, как Дьявол молился на крыше во время битвы. Клоун хренов, видели бы его обороти, умирали бы от надорванных от смеха животиков. Она там с Борзеевичем чуть не погибла, а он в это время развлекался.

– На своей не получится, – с сожалением покачал Дьявол головой. – Своя земля тебя выставила, а ты хочешь, чтобы она услышала твой боевой клич? Именно об этом мы тебе гово-рим: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

– Где силы столько взять? – Манька тяжело вздохнула. – Я так бы разве распорядилась землей, будь у меня хоть капля власти?

Дьявол нахмурился.

– Я сказал: все пойдут в рабство, и будут давиться плотью друг друга, пустыня в уме человека, и нет знаний, как должен прожить человек. Золота много у людей, но ни одной кру-пицы, чтобы купить себе жизнь вечную. Грустно, что ты не умнее брата своего. Закон знать мало, надо уметь поставить его, как щит. Я Бездне противостою Законом, а человек борется с человеком. Кому ты говоришь: была бы у меня власть? Ты не меньше брата своего, и пока жив человек, сотни дорог найдет, чтобы испытать себя. Пойди, возьми власть и распорядись его землей, которая изнемогает под тяжестью проклятий, предназначенных тебе. Разве я не сказал: поднимает вампира – твоя земля, а тебя убивают – из его.

– Проклятие у меня с рождения. Было бы по-другому, я бы, может, насторожилась, когда внезапно наступила перемена, – угрюмо высказала Манька свою обиду. – Никто меня не учил. А сама я, как бы все ваши хитрости разгадала?

– Зверь может научить своего звереныша только тому, чему научился сам. Сама знаешь, если родитель чей-то ум по рассуждению принял, он обычно его ребеночку передает. И если человек не уважает Дьявола, который Жив, проклят человек из рода в род. Я не могу, как вампир, к своему объяснению приколоть оргазм или боль. Мой голос чист, как слеза Сада-Утопии, я не довлею над человеком, а если поднимаю против него тварь, то только ту, которая приходит на мой голос. Празднуют вампиры победу, но что мне с того? Разве ты жалеешь о кишечной палочке, которая плодится и умирает в твоём кишечнике? Не я, человек разменивает свою землю на воловью упряжь. Ты, со своей стороны, конечно, думаешь, что надо тебя пожалеть, а я думаю, как родителям твоим вменить в вину, что их потомство обречено влачить жалкое существование. Это ведь тоже наказание из рода в род. Извини, дорогая, но я смотрю на эту ситуацию иначе.

– Я не разменивала, у меня украли.

– Может быть. Но какое мне дело? – Дьявол равнодушно покачал головой. – Разве жалела тебя мать? Разве был у нее ум, когда проливала она слезы о сапогах, которые пинали тебя в ее животе? Дрыхло ее сознание или сдохло, когда объявила себя мученицей? А ты? Каким достоянием можешь стать, убитая в чреве матери? Жалость – это поножовщина и потери – и ты оплакиваешь себя. У меня нет жалости – совсем нет. Жалеешь ли ты мышь, которая изгадила мешок с мукой и которую кошка поймала? Богом вампиры идут по твоей земле, те самые, которые убили тебя и сказали: «вот ты, а вот мы – и мы больше, чем ты!» И ты призналась: да, они могут меня побить, а я нет. И воля твоя ушла в Небытие. Где несправедливость? Чем обеднею я, избавившись от тебя? Я, Маня, Бог Земли, а ваши сознания – ненужная материя, красная глина – мертвая, пока из нее горшок не слепил и умным содержанием не наполнил. Единственное, на что она годная, обменять ее у Бездны на землю. Но не так много ее, чтобы разбазаривать. Она и животных делает умнее. Леплю горшки, подрачиваю, размножаю, проверяю, получился ли горшок крепким и надежным, или можно разбить и выбросить осколки.

– Получается, что я отброс, мать моя – отброс, а кто может собирать чемодан в твою Утопию? – язвительно скривилась Манька.

– Было, приходили ко мне люди. До Спасителей. Их было много, целые народы. И каждый знал, Господь не умеет прощать за землю. Берегли себя, учили детей, помнили, что каждый день жива душа, и каждый день приходят и уходят люди в землю, чтобы утолить голод. Руки их не знали крови. И приносили в жертву всякую мерзость перед лицом моим, и начатки каждого первенца отдавали мне. И был я богат, и богато жили люди, и не было у них врага, и каждый находил себе такое место, где было его сердце и душа. И не болели. Тогда и врачей-то не было. Человеку стыдно болеть, у него же свое пространство. Вампиры льют в землю человека боль, поражая внутренность язвами и железом. Разве не сказки того народа подсказали тебе искать железо?

– Начатки?

– Ну, вот есть у тебя избы – твои они, но кто надоумил тебя? И ты знаешь: я привел, я дал. А если дал, то я уже не нищий Бог, и ты не нищая. Или земля. Ты можешь сказать: «я достала ее у Бабы Яги» – и тогда меня как бы нет, а можешь положить мне десятину, и тогда я Бог, который открыл тебе землю. А когда придет ночной гость с ужасом на лице и положит перед тобой горсть пепла и станет ждать Утренний Свет, можешь подать ему, чтобы знал, что Бог его не оставил – и вот родила себе сына, потому что он будет моим народом, когда увидит Свет. Раньше люди отдавали десятину самому бедному. Каждый боялся, что ближний имеет нужду, потому как нищета его ляжет на чело ближнего. Ради себя. Если человек помог ближнему, не обманывая его, он тоже улучшает свой имидж, заботу о душе видят люди. Строит человек дом – приходили и помогали, потому что вдруг ближнему строится дом, собрали урожай, и раздали излишки – а вдруг у ближнего саранча продукцию поела. Не жадные были, не злые, не праздные. И ученики не бедные были, но не потому, что собирали с народа дань, я

кормил их, подсказывая такие идеи, которые обычному человеку не достать. Это и есть хлеба предложения. Но, посвящая себя мне, откуда время взять, чтобы воплотить идею в жизнь? И отдавали, получая взамен часть доходов, а люди приходили к ним за советом и помощью.

– Люди богатыми вряд ли откажутся стать, а народом – сомневаюсь. Даже я не твой народ. Ведь не твой?! – Манька вопросительно взглянула на Дьявола.

Дьявол тяжело вздохнул.

Она и не надеялась на другой ответ, но все равно расстроилась.

– Проклятые умирают быстро, жалкими, как раздавленные прыщи. Мы, как тень: поняли, что нас не хотят – и ушли тихо. И все! – она развела руками. – Если б я знала, кто я, может, не сомневалась бы, когда собиралась повеситься. Конец у меня оказался один. Две недели пожила человеком, а вы с Борзеичем сказали: хватит, пора тебе исполнить волю вампира, иди-ка ты, Маня, в Царствие Небесное. Тогда чем вы отличаетесь от кузнеца господина Упыреева?

– Как ты, Манька, мыслишь широко! – Дьявол осуждающе покачал головой и нахмурился. – Каждый день у людей проблемы – большие, противные... Дети – боль, здоровье – боль, родные – боль, люди – боль, благосостояние – боль, сегодня боится умереть, завтра – страшно жить. Ты счастливее многих людей. Разве мало радовалась? Медведь сеть оставил – радость, колодец нашла – радость, не утонула в болоте – радость, избы за тобой пошли – радость, с покойниками разобралась – радость, самоделкин инструмент нашла – радость... Половина людей не испытали столько радости за всю жизнь! А как изменилась! Ты и сама понимаешь, что уже другая. Настолько, что любой человек в суете своей и мелочных мудрствований покажется тебе могильным камнем. Ишь как ты за благосостояние уцепилась! – обличил и осудил он. – Разве все это не Помазаннице моей принадлежит?!

– Дьявол, любой нормальный человек такой радости ужаснется и открестится! – возмущенно вскинулась Манька. – Бедная я, или богатая – людям до меня дела нет. Когда приходит беда, люди не смотрят по сторонам, они уходят в себя. Да, люди хотят жить вечно, но кто задумывается об этом всерьез? В сущности, им не нужен Бог. Вместо Бога приятнее говорить о том, что было вчера или будет завтра. И мне легко понять, почему они от тебя отказались. А ты все: я – Бог, я – Бог... Люди живут надеждой, а ты ее не оставляешь, Закон у тебя, видите ли, превыше. Мало ли какие у человека мотивы оступиться: любовь, ненависть, страх, ревность... Я размышляла сейчас, нужна ли мне твоя Утопия? Пожалуй, я шагнула бы в Бездну, не задумываясь, чем каждый раз оглядываться. Разве люди думают иначе?

– Все как один, – уверенно ответил Дьявол. – Даже вампиры. Знаешь, как молятся и просят поднять на небо? Там другой мир, другая реальность, оттуда земная жизнь видится, как испытание, которое человек не прошел. Там он видит, как низко пал в глазах Бога. Особенно патриархи... Вечность готовы обменять на несколько часов, чтобы искупить вину. Но что я могу им сказать: «Вот, Батюшка, паства твоя сидит на могилах и боится ее оставить, потому что не знает, с чем подойти к Богу, чтобы он пустил его в свой Сад. Разве ты объяснил ему, где ему взять плод с Дерева Жизни? Чем же ты лучше их, если обирал и радовался торговле их душами?».

У половины людей такое представление, что к каждому ребеночку очередь выстраивается, чтобы реинкарнироваться. Даже если это было бы так, не мешало бы человеку подумать, скольким надо перегрызть глоток, чтобы получить новое тело. И откуда у ребеночка уму взяться, если в него вселился убийца, висельник или наркоман. Спросил бы себя человек: хочет он, чтобы ребенок его оказался в прошлой жизни маньяком, и сможет ли он при этом рядом с ребеночком спать спокойно. Никто ведь об этом не задумывается, пока проживает свои дни, надеясь, что в следующей жизни ему грешить не придется, потому что повезет родиться в рубашке и под счастливой звездой.

Представь, ты поселилась в пустом доме. Тебе так казалось. Он был крепкий, построенный на века, прибран, украшен, на столе стояла еда, в нем было тепло и уютно. Ты ходила

по дому, где-то прибирала, но больше гадила. И вдруг приходит хозяин и выставляет счет, и говорит, что прежде ты должна была спросить, что можно, а что нельзя, что сквернословила о нем, по всему дому расставила истуканов, которых он ненавидит более всего, убила детей его, и приговаривает тебя выставить вон. Ты не гость, ты – враг. Не дому говорит – тебе. А вне дома холодно, пусто, и нет ни малейшей возможности выжить.

Так и вы. Ваша земля – дом, который я построил. Разве вы думаете о том, как клетки тела нарастить, чтобы рана затянулась, или дышать, чтобы не задохнуться?

Люди очень остро чувствуют свою ненужность, особенно, если им есть с кем себя сравнивать, если есть кто-то, кто может остаться в этом доме.

А теперь представь, что есть люди, которые недостаточно знают Закон, но мне нечего им предъявить, и земля пылает к ним любовью. Если мерзость не оставляет свои знаки, человек живет по Закону, даже если он не мой ученик. Закон высечен на скрижалях, которые и есть земля. Разве можно назвать животных жестокими? Они живут так, как я им предначертал. Поэтому многие люди имеют и сострадание, и любовь, и тянутся ко всему, что видят вокруг, и берегут, и преумножают, не задумываясь, что получают взамен. Но есть животные, которых изменил человек. Так и вы – есть те, которых переиначили, или они сами решили изменить себя.

Вы все немного телепаты, и становитесь мертвыми, когда встречаете вампира и верите ему. Йеся сказал: он будет судить вас по любви и вере в него – а я сужу по делам. Если человек приветил вампира, значит, пил кровь его ближнего вместе с ним. Вампир – ловец живых, а не мертвых, он – рыбак, а человек – рыба, которая становится мертвой, когда ее вытащили на берег, и она уже ни на что не годна, разве съесть ее или бросить на съедение, как падаль. И падают вместе с вампиром, не понимая той информации, которую считывает земля, показывая сознанию в чувственном восприятии, потому что грамоте не обучены и знать не знают, как правильно ее расшифровать. Без знания Закона рано или поздно человек умрет, даже если он не имеет в себе мерзости передо мной.

Каждый человек нуждается в Боге, потому что мысль обо мне тоже высечена на скрижалях. Поэтому в мире так много людей, которые хотят подняться к Богу, но подняться хотят легкими путями, не копаясь в себе. В чем труд, дойти до церкви и помолиться, откупившись подаянием или свечкой? Ведь и ты думала о Боге... Не о вечной жизни, просто... о Боге... Всегда думала. И верила. Не по вере, к которой призывает вампир, просто... верила и надеялась. Но что была твоя вера, пока не открыла железо? Голос мой летел к тебе, но мерзость не спит и не изнемогает, и следующий день был не лучше предыдущего. Ты слепо стучала в одну дверь, в другую, и отказывали, или открывали, чтобы заманить в сеть. И снова молилась Богу, который не мог ответить и рассказать, как велико войско вампира, которое убивает тебя день за днем. И что сделала ты, чтобы стать Храмом Бога?!

– У меня другая нужда в Боге... – ответила Манька. – Люди мечтают, придумывают, помнят, а у меня такая тьма, что мысли проваливаются, как будто проказа внутри меня, а ужас идет рядом. Люди ложатся спать и утром встают бодрыми, а я... избитая и тугая веревка на шее, которой нет, а внутри кто-то плачет. А если слушаю, сознание меркнет. Не будь этого, я бы тоже не стала в себе копать.

Правильно Давид сказал о проклятых...

«Я сравнился с нисходящими в могилу; я стал, как человек без силы, между мертвыми брошенный, – как убитые, лежащие во гробе, о которых Ты уже не вспоминаешь и которые от руки Твоей отринуты. Ты положил меня в ров преисподней, во мрак, в бездну. Отяготела на мне ярость Твоя, и всеми волнами Твоими Ты поразил [меня]. Ты удалил от меня знакомых моих, сделал меня отвратительным для них; я заключен, и не могу выйти...»

Но я рада, что мы встретились. Хоть ты и Бог Нечисти, с тобой вся жизнь вверх тормашками. И ужасы кругом, а не страшно. Я удивляюсь, как смогла зайти так далеко, как смогла

находить радость, замерзая и умирая от железа, как смогла вытаскивать трупы, освобождать из плена чертей, залезть в огонь, побить целую армию оборотней... Это невозможно сделать человеку, – Манька в сомнении покачала головой. – Каждый раз ты находишь слова, чтобы я думала, о чем угодно, кроме боли. В Ад позвал – мужества нет совсем, а когда ты рядом, думаю: надо посмотреть... Не знаю, как это тебе удастся... Если я умру... – она покраснела, – спасибо, что ты был рядом. Здесь твои наставления не слишком пригодились для жизни, но, надеюсь, в Аду от них будет хоть какой-то толк.

– Ну, Ад – это не так страшно... Некоторым бы там понравилось, – рассмеялся Дьявол. – Вампиры, по крайней мере, попадают в плен своих нарисованных иллюзий, встретившись со всеми, кого беззаветно любили. Я не мучаю их перед Страшным Судом. Сон их сладок и безмятежен, а если проснутся, камни придавят и заставят уснуть снова. А ты идешь в Ад живая, и будешь, как Город Крови...

– Да поймы ты, Закон Законом, а жизнь – это жизнь! – всплеснула Манька руками. – Встреться мне вампир, который предложил бы стать как он, я бы, наверное, стала. Я не хуже и не лучше других. Просто из меня сделали козла отпущения. Сколько нас? Сотые доли процента? Вампиров ведь тоже не много, а нас еще меньше, потому что умираем. Остальные люди, хоть и оборотней среди них много. Обычные люди. И без Закона живут так, как прописал.

– Думаешь, если человек живет своим умом и не ищет Закон, закон его не сделает нечестью? – рассмеялся Дьявол. – Каждый уверен, если признать Его негодным, я начну от Него убавлять или прибавлять. Но Закон не бывает удобным, на нем стоит вселенная, и, если хоть одна черта перейдет, все мироздание рухнет. Люди долго помнили об этом, и пока помнили, вампиры не имели над ними власти. А потом выбрали ближним заезжего купчишку, милостью божьей по доброте духа двумя динариями купившего человека в уме его, и поклонились плотнику, который не имел дохода от ремесла, решив попробовать себя в другом деле. Спроси любого из них, скажут, плотником был Иосиф – приемный отец Йеси, и кто видит то, что ему не по сердцу?

«Не ПЛОТНИК ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры?»

А это уже нарушение Закона: только дух мертвеца смотрит помышлениями сердца, а не разумом. Сознание на то и сознание, чтобы осознавать то, что читает. Как человек отличит добро от зла, если обычное слово мимо глаз пролетает?

И мне не жаль, когда я снимаю с человека кожу. Посмотри, что стало с землей, у которой была одна радость – кормить-поить живую плоть. Кому она нужна живая? Животные, красоты необыкновенной, умирают друг за другом, и чем меньше их осталось, тем ценнее голова чучела, прибитая на стену. А если о звездах грезит, то завоевать, выкачать, чтобы в роды родов вселенная оставалась пустыней. Каждое свое изобретение люди ставят выше изобретений природы. Ах, мы придумали пилу! И лес, который насыщает атмосферу кислородом, поит реки водой, укрывает тысячи видов животных, связанных со всем, что существует на планете, лежит у ног человека. Человек горд, Царь природы смог уничтожить то, что росло до него тысячами. Ах, мы научились сеять пшеницу и выращивать корову! И сорок миллионов бизонов освободили человеку пространство. Ах, мы придумали корабль! И сотни тысяч китов стали добычей человека! Древний океан, который родил жизнь, умирает, задыхаясь отходами цивилизации, у которой нет будущего. Ах, мы научились бурить землю и добывать черное золото!

И нет человека, который бы сказал: в этом не было необходимости.

А я-то как рад! Земную кору остужает океан, а что спасет человека, когда последняя масляная подушка, на которой держатся миллионы тонн земли, уйдет в Небытие?! Такое уже было. Я не раз и не два проверял, как это работает.

Разве я, создавший вселенную, не смогу задавить людей интеллектом?

У меня лишь осознание Бытия. Причем в самом неприветливом виде. И меня мало интересует горстка людей, которые не гнушаются переварить все, чем я был бы сыт, оставляя мне переваривать самих себя. Не руку помощи предлагает мне человек, а вонзает нож в сердце, когда сеет опустошение. И при этом он надеется жить вечно в райских куцах, где все пронизано ненавистью к нему. Миллионы животных уже никогда не смогут пройти по земле, миллионы растений не оставят свое семя. Но планета переживет и нашествие человека, как пережила жару и холод. Миллионы планет прекращают свое существование, и миллионы рождаются вновь, чтобы прекрасным садом прожить краткий миг, открывая Поднебесной красоту Небес. Всею свое время.

– Неужели ты совсем не любишь человека? Пусть мы не ищем тебя, но Бог у человека в крови. Ты сам говоришь, что Закон высечен в нашем сознании, на нашей земле.

– У меня ваша богобоязненность перед идолом на виду: приготовили в жертву, убили, поджарили, насытив утробу, и привели новую жертву. И что мне, если сознание человека не сделало ни одной попытки поднять против мучителя свой голос? Это разве сознание? Это разве живое умное сознание? Зачем мне калеки и убогие? В моем мире все совершенно, как я сам. И я считаю: убить общество, которое не возвращает людей, гуманно. Любое дерево растет, плодоносит, а потом разве что срубить и выбросить вон. Кто держит в саду сухое дерево? Пора цветения и сбора урожая давно прошла. Даже молодые привитые побеги не отрастают. И только люди, которые любили эту планету и род свой, не дают срубить это дерево, прогнившее насквозь.

Вот ты, маленькая завязь, но у тебя недостаточно сил, чтобы созреть и стать полноценным плодом. Ты не знаешь, но я вижу, как корчится в агонии твоя украденная земля под ужасами проклятий, посылаемых вновь и вновь. Все хотят быть Богом, а Бог – существо, которые выше добра и зла. Я мудр, и знаю, как много вреда принес бы человек, который вершиной совершенства считает власть над другим человеком. Мученик не хозяин своему слову. Бога любит не человек, Бога любит земля, а человек умножает ее боль и скорбь, подсовывая одного идола за другим.

– Ты прав и не прав одновременно. Вот я призываю тебя, а что получаю взамен? Умри, Манька! К кому мне еще идти, чтобы утро для меня наступило? Ты нас, людей, не можешь что ли заставить быть такими, какими должен быть человек?

Дьявол улыбнулся хитро.

– Бог – это существо, который не зависит ни от каких обстоятельств. Если бы я был рожден, а не существовал вечно, как сила Бытия, разве был бы я Богом? Богом был бы тот, кто меня родил, а я был бы сыном. Бог выше времени, выше пространства, выше Бытия и Небытия. Он мог бы оставаться один, но он решил, что будет лучше, если кто-то подумает о том, что хорошо быть, как Бог. И это существо не имеет права расстроиться, если горшок, который он слепил, не станет таким, каким он желал его видеть.

Это неизбежно: сознание имеет право выбора. Точно так же, как он, который Бог. В этом и есть предначертание сознаний. Я лишь могу судить насколько такое сознание опасно. Не для меня. Мне оно не сможет навредить. Я не хочу, чтобы оно во славу себя уничтожало все, что было создано мной с любовью. Потому что знаю – этот чудик не Бог, он тот, кому я позволил так думать. И когда я на него вдоволь налюбывался, когда у меня закончился смех, как это ни грустно, я понимаю, от этого Бога надо избавляться. Даже его присутствие может осквернить мою вселенную.

Земля – единственное, о чем я пекусь, ибо в ней моя сила, у нее живой ум, который нуждается во мне, в моей защите. И такие Боги ищут, как убить ее.

Ты сидишь сейчас, и о чем-то думаешь, и вроде бы одна, но твоя земля, которая тоже моя, следит за тобой, прислушивается к каждой твоей мысли, заставляет дышать тело, просит справиться нужды, безгласно и безропотно выполняя мое поручение, оберегая твое сознание.

Другое дело, что она не всегда может понять, что слышит не тебя. Я для нее родное сознание, а твое, каким бы оно ни было – чужое. Но она всеми силами старается обрести его, чтобы стать похожей на меня, чтобы стать моей радостью, моей гордостью, моей наградой.

Так за что человек убивает ее?

По ней сужу. И если все сознания воскликнут разом, что я кошмар всего сущего, я не думаю, что я стану хоть на йоту ближе к тем, кто кричит мне об этом. Земля знает: я единственный в этом мире, который создал вселенную Неба и Земли, и единственный, кто может сказать: «Простите, вы мне надоели!» И можешь себе представить, что мир, вселенная, всхлопнется в едином порыве и исчезнет в просторах Небытия. Проблем у меня нет – проблемы бывают у вас. Я и есть кошмар всего сущего. Большой, чем кто-либо может себе представить.

– И ты знаешь все-все-все?

– Абсолютно. И каждого человека. Но когда знаешь, точка зрения абсолютно брезгливая.

– А как же любовь? У тебя под плащом...

Дьявол кисло скривился.

– Ты, Манька, на это не рассчитывай, не затем под землю спускаешься, – строго одернул Дьявол. – Тебе любовь не предназначалась, это я так... сам по себе такой, когда на себя смотрю. Как же себя не любить, если сам себя восхищаю?! С чего мне пугать сознание раньше времени? А вдруг не виновато? Вдруг кошмара в нем нет? Вдруг родилось чудо, которое осталось мной не замеченным? Вдруг сделает такой выбор, что даже я буду удивлен? Малейшая искра недовольства – и сознание станет комком нервов из дерева осины. Мои чувства – материальны. Одно дело думать об ужасах, другое – когда они на тебя посыпались. Дрожащую тварь не так легко поднять. Сознание – не чувства, разве сознание может быть лужей любви или туманом? Сознание – это то, что умеет издать писк. А тот туман, о котором грезят люди, не пищит, не открывается иначе, как Свет. Это не я. И когда люди говорят, что я – любовь, они не представляют, насколько мое сознание может быть безжалостным и холодным. А земля такая и есть, ложись и отдыхай. И тем больше у меня причин быть ее противоположностью, когда я защищаю ее.

– Тогда почему поднимаешь вампира над человеком? Пусть бы сам... Тогда у человека был бы шанс, – расстроилась Манька. – И против одного силы-то не равные, а они гурьбой нападают.

– Я? Боже упаси! Человек сам поднимает. Но раз помолился, я понимаю, Богом назвал его. И я крышую вампира, пока реки слез человека не образумят. Но в том-то и дело, если разочаровался в одном – не умнеет, бежит помолиться на другого. Ты не можешь отрицать, что я устроил тебя отлично от того, что тебе уготовили, а почему? Да потому, что в полон взяли, а поклониться заставить не смогли! И вот ты над нечистью поднялась.

– Поклянись! – попросила Манька. – Поклянись, что в Аду не станешь строить козни!

– Упаси меня Тьма, что взлелеяла меня! Разве прощают ошибки в Аду? Как я смогу судить тебя, если восстану против тебя? Земля никогда не сможет простить мне землю, которую топтал я сам. Клянусь землей! Могу поклясться Бездной, я ведь и над ней могу парить. Но она пуста и безвидна. Пытаться проткнуть ее сознанием еще раз – чистое безумие! И оттого вампиры для меня еще ценнее, им уготовлена участь сделать то, что я не хочу делать сам. Но что мне, что с ними станет в Аду? Ад на то и Ад, чтобы отвечать за злодеяния. Оттуда они не сбегут и ума не достанет, чтобы приподнять могильную плиту.

– А откуда ты взял, что в бездне ничего нет? – коварно поинтересовалась Манька. – Бездна загадочна и необъяснима. Что-то же манит вампиров в эту самую Бездну.

– Манька, не соблазняйся словом! Слова иногда имеют жуткий смысл. Люди, чтобы понять, начинают искать сравнительный образ, и находят его в вещественном мире, который не так достоверно отражает действительность. Скажут, заяц мягкий – и человек представил подушку, скажут, уши длинные – и представит уши осла, скажут, белый – и представит снег. И

получилось: белоснежная подушка с ушами осла. Даже имея некоторое представление, люди не имеют представления о том, что за гранью. Боль, страх, грусть – все эти чувства могут стать физической материей, которые пойдут против человека войной. Таковы мои собственные чувства, которые становятся вашим бытием, когда жизнь в одиночестве перестает быть чувством и становится реальностью. Помножь свое чувство одиночества на тысячи – и даже этого будет мало. А есть еще чувство презрения, ненависти, желание убить, отдать на растерзание тем, кого человек обидел в жизни.

Проникайся сутью.

А суть Бездны такова, что у Небытия нет ни дна, ни покрывки. Бездна везде и нигде.

Что такое Небытие?

Это Ничто – Великое Вечное Застывшее Ничто!

Я сунулся в Бездну однажды, потому знаю, что происходит с красной глиной, которую я отдаю ей. Все движется: атомы, планеты, галактики, я сам. Бездна – полное отсутствие движения. Я бы сказал, мы аннигилировали, если бы не видел материю, которая лежала у моих ног. Она проникает так глубоко, что потом собрать себя нет никакой возможности. Я был с Нею, но я не был Ею. Над Небытием можно парить, но стать Небытием... – это убиться. Я сунулся – и посыпались искры. Тебя когда-нибудь било током? Только моя боль была в миллионы раз сильнее. И стал Свет. Не в смысле свет – я стал умнее. И понял, что это уже хорошо. А то, что туда ушло, мне осталось обливаться слезами, потому что часть меня перестала быть мной. Но и она не стала Небытием – она стала землей, в которой есть Бездна.

И слава Богу, что я и Бездна – две стороны одной медали, которые всегда находятся в равновесии, иначе бы она убила меня. И я боюсь пережить это снова, поэтому защищаюсь и укрепляю мое тело, чтобы не дай Бог, она до меня не добралась.

Земля, как бы я не пытался вдохнуть в нее свою силу, медленно уходила в Небытие, и остановить этот процесс даже мне казалось не под силу. Времени тогда еще не было, но я могу сказать точно, что оно началось тогда. И время шло на секунды. Может быть, я просто захотел, чтобы оно было и заказал его. Тогда мне казалось, что земля – это я сам, только лишенный всех достоинств, которые мне присущи. Она потеряла мой голос, потеряла способность осознавать себя, она была безжизненна и пуста, а я шарился в ней, и не мог понять, это я или не я. И, наверное, тогда вселенная испытала самый первый страх, а после радость, потому что я родился, я перестал быть немощью, заключенной во Тьме.

Брови у Маньки медленно поползли вверх. Если только маленькая часть Дьявола стала огромной вселенной, то какой он был сам?! Наверное, с тысячу таких вселенных...

А с виду не скажешь...

– Сначала я ни о какой земле не думал, просто пытался спасти самого себя, – признался Дьявол, вспоминая, с чего началась вселенная. – Она была безмолвная, однородная, ни на что не реагировала, испарялась, как лужа в жаркий летний день – и снова становилась Небытием. И столько сил приложил, чтобы оживить ее хоть немного: был в нее молниями, орал, кричал, поднять пытался, потрясти, а потом, когда понял, что Бездна не отдает ее мне, разделил саму в себе на Небо, Твердь и Землю. Сотые доли секунды, и я опередил Бездну. Сотые доли секунды – и вселенная обрела меня, а я ее. Небо и Землю пришлось еще разделить. Так появились высота и глубина. Каждый слой пришлось еще раз разделить, так появилась ширина, а остальные величины как-то сами собой обозначились.

Бездна – это Ничто.

Но мне удалось поднять это Ничто. И каждую точку этого Ничто я окружил другим Ничто, которое насильно заставляет первое Ничто существовать в Бытие. В каждую точку пространства, где существуют два Ничто, из другого слоя материальности я просунул такое же Ничто, которое удерживает оба Ничто в стабильно живучем состоянии. Если бы ты могла заглянуть в сердцевину протона или нейтрона, то увидела бы смерч, соединяющий небо и

землю – и страшные грозы, когда бьют молнии невиданной силы, извиваясь, как змеи, и крутятся шаровые, невиданных размеров, и спускается с неба жидкий огонь, и смерч поднимает вверх это самое Ничто... Но, если однажды это все остановится, останется только капелька меня, которая родит бурю. Так я заключил себя в землю, став с ней одним целым.

И как человеку вместить это все в уме?

Люди, которые живыми приходят в Сад-Утопию, плавают в моей земле, как карась в реке. Ваша земля – это пропуск. Поэтому, человек без земли попасть на Небо не сможет, каким бы идеальным он себя не считал, и как бы не пытался замазать мне глаза. Закон родился, когда не было ни одной живой твари ни на Земле, ни на небе, и Он будет существовать неизменным до тех пор, пока существует вселенная в том виде, в каком она есть.

– Похоже на трусость, – подметила Манька. – Ты испугался.

– Осторожность! – поправил Дьявол, ничуть не обидевшись. – Ведь и в человека заложены предостережения, что не стоит делать то, что может его убить. А откуда я это взял? Да из собственного опыта! Манька, меня Небытие со всех сторон окружает! Ты хоть представляешь, сколько живых и зверей, и людей ко мне прицеплены? Если из каждого полетят образа Богородиц, Спасителей, иже с ними святые и родственники, я истаю в тот же миг! А на Небе самое что ни на есть Бытие. Там текут реки, там бродят огромные стада животных, там растут деревья. Небо лежит от края до края, и человек, или любое другое существо, которое можно назвать человеком, в мгновение ока переносится из одного места в другое, черти шныряют по всей земле, собирая горячие новости... В общем, жизнь и на том свете достаточно яркая и насыщенная.

– А водяной как об этом знает? Он сказал, что прекраснее места нет.

– Он одной ногой стоит на Небе, другой на Земле. Точно так же, как избы.

Манька тяжело вздохнула, понимая, что вход на Небо ей заказан. Вампиры прикрутили ее сначала к этой жизни, потом к Аду, а потом к Бездне.

– А если земля вынута из Бездны, почему ты о себе говоришь, что пострадал?

– Это я после понял, что земля не совсем я, когда обнаружил еще одну материю – красную глину, из которой лепятся сознания. Не до конца убитое сознание, но уже не мое. Я сначала думал, что это тоже земля. Но, понаблюдав за нею, заметил, что она не такова. Она могла дрейфовать в земле, и земля ее никак не ощущала, а она землю. Она не заключена в землю, как я – она сама по себе. А когда я пытался ее расшевелить, она думала о себе «Я» и замечала за собой какие-нибудь состояния. А в том месте, где она соприкасалась с Бездной, убивалась окончательно, превращаясь в новую землю. Нетрудно догадаться, что когда-то она была мной. А самое интересное ее свойство, сколько ее не отрываешь, каждая частичка осознает свое «я», а если вдохнуть в нее силы, родит пространство вокруг себя. А если что-то слепить из земли и сунуть эту частичку внутрь, объект становится живым. Сама по себе красная глина – бестолковая. Чтобы сделать ее умнее, приходится программировать через землю. По сути, человек – это две твари в одном графине, которые учатся друг у друга на расстоянии. Только так смог заставить ее стать как я, абстрактно анализирующей объективную реальность. Я не могу сказать, что я материален, а она стала материальной, но не настолько, чтобы считать ее землей. Она материальна для меня, но не для земли, и не для вас, и, если ее не подзаряжать, она снова погружается в вечный сон – без снов, без чувств, без ощущения времени пространства.

И, наконец, подытожил: если я умер, остался калекой, заканчиваю дни убогим, я должен дать себе еще один шанс.

В целом, она, то есть я, оказался очень дружелюбным. И первая моя мысль была сделать еще одного меня. Но затея не увенчалась успехом. Чтобы стать мной – надо заключить себя в землю, а она не способна противостоять Бездне. Она не чувствовала землю, как я, не умела произнести слово, она оказалась даже менее интеллектуальной, чем земля, которая быстро накапливала информацию о самой себе, через меня – так у меня появилась память.

Печально взирал я на себя обгоревшего. Многие миллионы лет красная глина валялась бесхозной, пока однажды мне не пришлось в голову создать живое существо. Идея оказалась удивительно удачной. Я внезапно понял, что могу смотреть на себя ее глазами.

Меня охватила глубокая радость. И уже тогда я начал подумывать создать мыслящее существо, с которым бы смог разговаривать, которое вернуло бы красную глину в первоначальное состояние, или, по крайней мере, приблизило бы ее ко мне. Мое пространство не такое, как ваше, я могу слепить все что угодно, и оно будет материальнее, чем твои мучители. Я стал мечтать о блохе, которая прыгала бы по мне и восхищалась мной, а я буду жить с ней в любви и согласии.

Наивные помыслы...

Первый человек и первая женщина не имели между собою ребра. Я дал им много красной глины, я запрограммировал их на многое, придумал логику и даже память, но получились высокоразвитые существа. Которые мало чем отличались от животных. Их не тянуло друг к другу, они не чувствовали друг друга, не злые, но и не добрые – как камни. И абстракционизмом от них не пахнет.

И тогда стал думать, как оставить их самостоятельными и в то же время мудрыми. Пришел к выводу – устроить надо по образу себя самого дать им глаза на затылке, которые смотрели бы внутрь. Но, вместо Бездны, пусть будет другой человек, чтобы и у человека была Небесная и Поднебесная, и тогда он будет для ближнего не как Бог, а как друг и брат, и муж или жена, и боль одного позовет другого. А появятся дети, люди будут учить их искать доброе начало.

Манька криво усмехнулась.

– Но тут появился змей, и сказал: обломись, я воду в землю человека, и буду принимать горячее участие в его жизни, и стану ему и женой, и мужем, и Богом. Глина сразу же захотела иметь все то, что у тебя! Небо оказалось под угрозой. И ты проклял глину и переправил ее на другой уровень материальности, змей торжественно был переправлен вместе с людьми в Поднебесную и получил землю человека, чтобы язвить ему пятую, а потом решил, что лучше вообще избавиться и от человека, и от его сожителя.

– Ну, в принципе, так оно и было, – согласился Дьявол. – Человек вышел из грязи в князи и обрел самостоятельность. Я долго пытался научить его жить в согласии, но и у меня не все и не всегда получается. И тогда подумал, а на что он мне? Зато оказалось очень удобно добывать землю: один раз слепил горшок – и пошло-поехало: плодитесь, размножайтесь, подрастаете. Змей – всего лишь информация, которая легко убивается при форматировании земли.

– Получается, что я – это ты? Не в смысле ты, но как бы ты? То есть, я могу прийти к тебе и сказать: вот она я, твоя изувеченная, искалеченная, оторванная от тебя какая-то часть, в каком-то поколении?

– Можешь, если протиснешься через Твердь.

– С другой стороны, получается, люди правильно тебе говорят, что земля должна им принадлежать, это они ее достали!

– Начнем с того, что голову в Небытие сунул я! Заземлил себя тоже я. У моей обгоревшей кожи ума бы ее рассмотреть не хватило. Как говорится, все достается сильнейшему. Сама глина мне по этому поводу претензий не выставляет, лежит себе и очень довольна быть моей частью тела. А твое сознание отстоит от нее на несколько сотен поколений. Имей она хоть чуточку ума, посмотрев на тебя, думаю, она бы перекрестилась: чур меня, чур!

– Ну... получается, что Небытие не совсем пустота? – подытожила Манька.

– О пустоте я не говорил, пустота, это когда пространство какое-никакое есть – именно Ничто. Великое, Безмолвное, Однородное, лишненное всякого Движения и чего бы то ни было. Без Времени, без Пространства, без малейшего желания жить или умереть... Ничто и пустота – две разные вещи. Там, где я, Небытия уже нет. Поэтому представить Небытие даже мне сложно. Я там не был, но смотрел сверху. И теперь не так глуп, обращаясь с Бездной осторожно. Вряд

ли я стал меньше, я быстро пришел в себя, но часть меня пострадала, и я не уверен, что, если буду ломиться в Небытие дальше, не стану, как красная глина. Я понятия не имею, сколько от меня ubyло, а сколько прибыло. Нет такого инструмента, чтобы меня измерить.

– Получается, что Бездна, хоть и не имеет сознания, Бог больше, чем ты.

Дьявол утвердительно кивнул.

– Бездна – Абсолютный Бог. Я хорошо знаю, что я могу, но я меньше всего знаю, что я такое, и только догадываюсь, наблюдая за вами, каждый раз понимая, что я – не вы. И я клянусь своей немой частью, которая испытала ужасы Бездны, я не приму сторону тех, кто не несет мне Благо. Но самое-то смешное, Манька, что от вампира мне выгоды больше. Я наследую все, что от него останется. Вернее, возвращаю себе все, что дал ему, но с процентом.

– От меня тоже останется, – отрезала Манька. – Будем считать, что я доброволец!

– Это вряд ли... – тяжело вздохнул Дьявол. – Земля не даст удрать такому интеллекту, который прорастает в другие планы, как росток, который нельзя отменить. С тобой не только у вампиров проблемы, у меня тоже.

– Это почему еще? – насторожилась Манька.

Дьявол хитро прищурился.

– Ты меня видишь? А это значит, что сознание твое – живое, и чтобы отправить тебя в Бездну, мне придется ослепить землю. И оставить тебя, тоже не могу. Выбор у меня небольшой: или выжечь из земли тебя, или оставить жить, но выжечь мерзость.

– ??? – Манька недоверчиво прищурилась, пытаясь понять, какая ей в том выгода.

– Вот предстанешь передо мной, и я выну мерзость твою перед землей, а она спросит: «Что ж ты раньше не показал, ведь рядом шел?» Но если ты не найдешь силы заглянуть за колючую проволоку, я отвечу: «Я показывал, но Маньку твоя боль не интересовала». Прыгнешь ты или не прыгнешь – ты проиграешь, если только не перепрыгнешь!

– Дьявол, какая же ты хитрожопая свинья! Сам ты мерзость! – возмутилась она. – На все у тебя есть оправдание, а потом спрашиваешь, откуда мерзость у твоей обгоревшей кожи! Не земле больно, а мне! Ты сам сказал, земля –местилище информации.

– Ой, Маня, как мало ты знаешь о своем прошлом! Ты даже не представляешь, как мучают ее вампиры! – осудил ее Дьявол. – Разве ты хоть как-то существуешь в сознании, когда оно спит и не видит сны? Его просто нет – и этим все сказано. Ты спишь треть своей жизни, чтобы продлить на земле свои дни. А земля не спит, она караулит твое тело и твое сознание, и, если боль не пугает ее, она делает это уверенно и правильно. А есть такая боль, как язва, которую вижу я, и вижу, как она убивает землю, и земля уже не может исполнять свои обязанности, программа дает сбой, а твое сознание глухо и слепо, потому что стоит земле открыть свою рану, ты начинаешь умирать. И она терпит, потому что ее ужас – только ее ужас, а ты гость – временное явление. Недостойный гость. И она спокойно примет избавление от тебя.

– А как меня можно выставить из меня самой?

– Не из тебя, а из земли. Спокойно! Если я так решу. Ты смотришь на меня, как частица живой сущности, я – как существо на обгоревший хвост. Я вообще мог всю эту ненужную материю отправить в Небытие сразу, но решил использовать по-другому. Кто мне может запретить? Обгоревший хвост? Простите, но это мое дело, как распорядиться собственным хвостом! Я не могу носить вечно на себе ногти, волосы, струпья ороговевшей кожи, даже если они умеют вопить. Человек ежедневно смывает с себя миллионы микробов, которые тоже вопили бы, если бы я дал им голос. Ты смываешь их всех одинаково, и добрых, и злых, и вредных, и полезных, а я выборочно. С чего мне жалеть ваше сознание? Это вам оно кажется важным и необходимым, а тем, кто сжигал вас в газовой печи, вы были не больше комара. Но разве я не стоял над теми, кто вас сжигал? Материя сознаний – ни бе, ни ме, пока ее не заземлишь и не встряхнешь – мертвее мертвой. Но если вдохнешь в нее жизнь, она может стать маленьким подобием меня.

Представь: зима – снег, сугробы, ураганы, ветер – это все я. И маленькая снежинка – это ты. Я Бытие, огромная вселенная, а твое сознание – зеркало, в которое я могу посмотреться и увидеть себя в виде маленькой снежинки. Глядя на доброе в тебе, я говорю себе: я хочу быть таким, а глядя на мерзость – я не хочу иметь в себе подобное. Даже если тебе не нравится, или ты не замечаешь, что я смотрю на себя через тебя, я вполне в это время могу собой любоваться. Но таких снежинок миллиарды и все они разные. Я не только ты, я еще Вампир, который пьет твою кровь, я – оборотень, который прислуживает вампиру, я – человек, который спрятался в домике.

– Путь долог и пространен, но разве понять человеческим умом вечность Бытия? – риторически спросил Борзеевич, подошедший сообщить, что к прыжку все подготовлено и время на подходе. В его туманной речи не было никакой связи ни с тем, о чем Манька разговаривала с дьяволом, и вряд ли вообще надо было искать какой-то смысл.

– А солому на кой настелил вокруг избы? Не веришь мне? – усмехнулся Дьявол.

Но Борзеич не обратил на слова Дьявола ровным счетом никакого внимания. Наверное, от него мудрые наставления Дьявола тоже отлетали, он снова начал волноваться.

– Ты, Маня, береги себя, охраняй от всего, что могло бы тебя остановить. Там, куда ты идешь, неугасимый огонь открывает врата Бездны.

– А ты-то откуда знаешь? – усмехнулся Дьявол. – Ты ж у меня неподсудный.

– Ворона на хвосте принесла, – ответил Борзеевич, вынимая из-за пазухи книгу.

Манька с любопытством полистала ее. От сердца отлегло: этот герой тоже вернулся живым и невредимым, но пролистать до конца не успела: Дьявол взял книгу из рук и сунул обратно Борзеевичу.

– Итак, повторим, – потребовал он учительским тоном, не терпящим возражений, когда они шагали к Храму. – Первая заповедь в Аду!

– Возлюби Бога Ада, превыше всех! – поспешно ответила Манька, выученный, как по нотам, урок. – Не сотвори кумира, тельца, идола и икону, никакого изображения их ни на небе, ни на земле, ни под землей! Я – Бог в земле своей! Все, что увижу – валить и бить, пока концы не отдаст... Интересно, а как правильно любить Бога? Мне казалось, все Бога любят, а понимает каждый по-своему.

– Последнее, наверное, было лишним, – с сомнением ответил Дьявол. – Богом надо быть в целом, а ты годна разве что выбросить тебя вон. Зачем придумывать Бога, если Он может сам за себя ответить? Главное, человека в нем не искать.

– Дьявол, – не выдержала Манька. – Ты у людей Олицетворение Зла. Я-то понимаю, что ты Бог. Но других людей каленым железом не заставишь думать по-другому. Ты видишь перспективу, заглядывая далеко вперед, когда человек предстанет перед тобой и будет держать ответ. А человек думает о настоящем. И чаще всего, думая о настоящем, он просит о несправедном. И, вместо помощи, ты удивляешь его своей несговорчивостью. Я уж поняла теперь! Я попросила от тебя помощи, а ты мне что? «Забей, Манька, мне одна польза от вампира, а от тебя головная боль!» И получается, что проще помолиться тому, кто царит над землей человека. Я бы тоже... помоллилась, да молитвы не помогают. У людей Царь то в одну сторону смотрит, то в другую. И у оборотней. А у проклятого только в сторону вампира. Это подвиг, что люди так долго учились у тебя. Но они уже давно не учатся, и все, что помнят, это то, что сознание обладает бессмертием. Я-то теперь понимаю, что значат все твои проклятия, но другим не понять. Как понять, если бессмертие и проклятие, когда сознание становится смертным, понятия несовместимые?!

– Манька, я бы подержал тебя, – сказал Борзеевич, – но есть исторический факт: когда Дьявол выходит из себя, он очень быстро устраивает в думе человека переворот и немногие после его откровений остаются слепы. День сменяет Ночь, а Ночь сменяет День: я помню вре-

мена, когда у человека был День, и помню, как наступила Ночь. Пламя костров с людьми на дыбах вздымались к самому небу, и вопли их тонули в хоре улюлюкающей толпы. Мертвые не слышали их. Все, о чем они могли думать, это похоть и кусок хлеба на следующий день. Боль в каждом была настолько сильной, что сама мысль, что земля не стоит на трех китах и небо над головой не твердое, ужасала человека. И косили людей болезни, когда вымирали за несколько дней целые города.

Какой морок затмил разум человека на тысячи лет? Почему миллионы людей внезапно перестали интересоваться культурой, наукой, историей, забыли все, чему их учил Господь?

Когда Дьявол решит, что вампиров и оборотней стало много, он выкосит их, как сорную траву. Если они живы и здравствуют, значит их не так много, и среди них еще встречаются люди.

Пусть они думают о своем бессмертии, молятся на костях и прикладываются к мощам, оскверняясь мертвечиной. И прав Дьявол, убивая падаль. Что тебе до них? Радуйся, что Олицетворение Зла открывает тебе Врата Ада, чтобы злобная тварь ушла с твоей земли. Остаешься ты живой или мертвой, разве это имеет значение? Ты знаешь, что ты – не бессмертна. Но тебе выпал шанс, когда голос твоего сознания может быть услышан. И это не подвиг – это мужественный поступок во имя себя любимой.

– Вот послушай, о чем говорит мудрый Мастер Гроб. Он знает людей, не как я, он знает, как ты, но довольно долго. Лучше подумай над тем, почему я могу звездануться, как Бог, а ты, имея частицу божественного «Я» не можешь! То-то и оно! – фыркнул Дьявол. – Если вернешься из Ада, может, и тебя клочок земли начнет узнавать. А теперь ответь, хочешь ли ты стать жертвой Небытия?

– Не знаю, – Манька обижено надулась.

– С такими мыслями, Маня, в Аду станешь головней. Верить надо в себя! – возмутился Дьявол.

– Не хочу! – нехотя призналась Манька. – Небытие не было и никогда не будет таким местом, откуда можно вернуться. Это смерть вторая, – заучено пробубнила она, и подняла мученический взгляд к небу. – Я только про предопределение не поняла! Как такое может быть, что Небытие предопределение дает, если ты, как ответственное лицо, меняешь одну материальную единицу объема и содержания на другую? Если Небытия как такового не существует. Сам же сказал, что его даже пустым местом назвать нельзя...

– Ну... Я ж не могу всю ответственность принимать на себя, – пожал плечами Дьявол. – Бездна ущемила меня, я теперь не такой, как был прежде. И это ущемление снимает с меня часть ответственности за то, что происходит с землей и со мной, в частности. Мне все время приходится собственные планы корректировать на погрешность Небытия, на то, что земля не такая поворотливая, как я. Если я что-то задумал, мне надо время, чтобы исполнить.

– Но предопределение было не сейчас, оно осталось в прошлом. При чем тут предопределение, когда приходит некто славить вампира, да так, что никто понять не может, что пришел вампир. Как это связать с предопределением?

– Манька, а разве трудно понять, что когда Бог о себе говорит – это одно, а когда человек – это другое? Бездна предопределила два возможных варианта для вас: остаться со мной, или уйти в Небытие. Я не проклинал и никогда не прокляну землю, которая родит тернии и волчицы, но я с удовольствием прокляну человека, который не может сделать ее достойным, позволив сорнякам прорасти и размножиться.

Время от меня – когда я покинул человека, а он продолжает думать, что он что-то из себя представляет. Все, жизнь закончилась, он доживает последние дни. Я самое совершенное существо во вселенной, и то, что я даю, это не бремя, это право быть впереди вселенной. У меня нет такого бремени, который я мог бы на чужие плечи взвалить. Бремя возлагают на меня

люди, когда моя земля вопиет ко мне, и я пью ее боль. Перед тем, как положить ее прахом в землю, откуда ее взяли, я лечу ее. И ты говоришь мне о том, что у тебя железо неподъемное?

А иго Спасителей – иго Спасителей. Бремя вампира – он сам.

Думаешь, в другое время не было умников-Спасителей, проповедующих о себе? Всегда были. Но люди не искали человека. И вот наступило время, когда они выбрали другой путь.

Разве это не предопределение Небытия?

Будь у Небытия хоть капля сознающей материи, разве бы оно не стремилось к тому, чтобы принять в себе все, что враждебно мне и моей земле?

– Будь у Небытия земля, вряд ли... Зачем, если Оно могло бы создавать себя в сколько угодно проекциях меньшего размера?

– Тогда к Небытию приехал бы конец. Небытие – это монстр, которого нельзя насытить. Это такое состояние Ничего, что если в него ткнуть чем-нибудь, то оно переходит в состояние меня. Оно низвергло меня в землю и шагу не дает ступить, чтобы не быть им схваченным. Или не быть схваченным мной, – Дьявол улыбнулся. – Я все думаю, а как я на свет появился? Небытие меня родило, или я был какой-нибудь почкой непророщенной?!

– Но как люди могут изменить предопределение, которое уже свершилось по воле рокового стечения обстоятельств задолго до их рождения? Мессия пришел, положил конец знаниям и утвердил веру в Себя Самого. Миллионы людей поняли, как выгодно поднимать Его, чтобы стать над теми, кто положил себя к ногам Мессии, не став Пастырями. И вот маленький человечка, один на миллиард, устал от вранья, устал от веры, хочет стать чем-то большим, но не так, как другие. Он хочет знать Истину. Не верить, а знать наверняка. Пощупать ее, поднять Закон, как щит. И что? Выйдет у него что-то?

– А что мешает человеку хоть чуть-чуть поразмыслить над ужасом чужого бремени? Разве это не то же самое, что взвалить на себя чужую болезнь или нищету? Разве люди не взвалили на себя нищету армии нахлебников, проповедующих им определенную чушь? И они из за это кормят, поят, одевают...

Крест не дает ничего, кроме иссушающего креста. И если земля отвечает, то только потому, что ее заставили бояться креста. И кто ее освободит, как не я?

От человека спасая.

Смелым нужно быть и безрассудным, но поистине великим должен быть человек, чтобы, вгрызаясь корнем в камень, произвести многочисленное потомство.

Как сказал один умник:

«Говорю вам тайну: «Не все мы умрем, но все изменимся, вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа? Жало же смерти – грех; а сила греха – закон. Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Спасителем Иисей...»»

Человек смотрит – и видит одну муть. А ведь это откровенное признание вампира!

Кости – вот они! И прах у всех на виду!

Чтобы победить Ад, надо вылизать землю и поганый язык вырвать всякой плоти, которая поселилась в земле. И никакой Йеся не поможет, потому что Сын Человеческий – хищный волк, который будет рвать первым.

Господи Святой, Ад они обошли!

Чтобы сказать такое, сначала надо убить вселенную, и родить ее вновь, с своими законами. Поглощена смерть победою – над кем? Где тот, кто ляпнул это? Стал он нетленным? Или с того света записку послал? Не все умрем, но все изменимся... Конечно, изменитесь: вампир станет вампиром, проклятый – проклятым. Когда труба вострубит. Да, жало смерти – грех:

нарушил Закон – умрешь. А что сила греха – Закон – ну это опять поторопились. Записки-то – жив и здравствует – не прислал. Никому не прислал, даже тем, кто лобзает его портрет и лижет полусгнившие мощи.

Не имиджем с Твердью объясняются. Воскреснуть, будучи мертвым, облакаясь в нетленное – и жить вечно, низвергнув Закон – мечта всех вампиров!

Я сказал: «От власти ада Я искуплю их, от смерти избавлю их. Смерть! где твоё жало? ад! где твоя победа? Раскаяния в том не будет у Меня» – Ефрему сказал.

Так этими словами я обращался к вампиру, который убил человека проклятием. Пришел к Ефрему и открыл секретники. И воскресло сознание для жизни вечной.

И еще сказал: «Угнетен Ефрем, поражен судом; ибо захотел ходить вслед суетных. И буду как моль для Ефрема и как червь для дома Иудина.

Я разве не моль для тебя, день за днем приучая к труду и помогая избавиться от железа? Или не подкапываем, как черви, фундамент дома Помазанников?

«Пред Ефремом и Вениамином и Манассиею воздвигни силу Твою, и приди спасти нас. Боже! восстанови нас; да воссияет лице Твое, и спасемся!» – это, Манька, молитва, которую каждый день творит Благодетельница, чтобы истыкал тебя Господь перед лицом твоим всеми стрелами, и не стеснялся рубить твою голову, спасая от тебя и возвышая Богоизбранных.

– Что-то как-то раньше я не задумывалась, что молитву можно в Творить, а можно просто... Молиться... Сейчас дошло... Этой вашей хитрой мудрости когда-нибудь наступит конец? – мрачно ужаснулась Манька.

– Но как, Манька, я не мог дать такого Йёсю людям, чтобы искусить их самих в себе? Судьбы нет, она предопределена самим человеком. Худшее из возможных грехов я буду вытаскивать на свет. Предопределение – это то, что позволяет мне определить, как сказал тот же умник, «глубину молчания твоего духа!» А судьбы всего мира складываются в судьбу человечества. Где один споткнулся, там многие упадут, если он поводырть слепым, где один поднялся, там встанет еще один. Или не встанет – подняться сложнее. Но что тебе до него, если я и моя земля стали твоими? Попади ты в Рай и наблюдай за моими Судами, первая скажешь: «С ума сошел, убелять лживую тварь? Я хочу жить в земле, не пить кровь, и не поить кровью, а с этой тварью, как мне жить?!»

– Дьявол, разве людям проникнуть малюсеньким своим сознанием в Бытие земли и ее Творца? Люди, всего лишь люди. Разве им понять, что земля для тебя больше, чем ты сам? Абсолют для людей – первый по значимости и положению – первопричина. Его и поставили выше. Сказано: «Дьявол низвергнут Отцом и заключен в землю – он князь, но есть тот, кого он боится». Теперь я понимаю твой страх. Но люди никогда не поймут.

– И что? Разве я не даю то, что они хотят?! Велком в Бездну, я всегда рад услужить, – рассмеялся Дьявол. – Совершенно немыслимы твои обвинения. Я, может, завидую им! Мне точно не дано кануть в Небытие. И да, я не такой смельчак, чтобы повторить их подвиг. Поэтому и восхищаюсь вампирами.

– Ты такой хитрый, тебе палец не клади! – возмутилась Манька. – Но у меня нет в уме горошин старика Борзеевича! А кто людей подзуживал и накрутил им абсолюты? Только не ври мне! Теперь я знаю, чем пахнет ваша макулатура! Просто бессовестные вы все: и ты, и вампиры, и старик Борзеевич, и все, кто охотится за человеком. Все вы ловцы человека, и нет у вас ни жалости, ни сочувствия. Когда человеку, который пашет поле, сеет, детей воспитывает, интересоваться вашими бедами? Он посмотрел, принял, как ему кажется, что добрее, а ты его за это в пекло и в Небытие! Дьявол, вот ты сказал про Ефрема, а я вдруг вспомнила: то его благословляют, как первенца, то отрывают, как предателя, то мечут против него проклятия, то снова... обнимает его Господь. А что это за пророк, если сам же признается, что мерзости поразили народ, и тут же обрушивается с проклятиями на народы, которые его народу на эти

мерзости указывают? Собака лает – ветер носит. Если человек, он везде человек, а если вампир – в любом месте вампир.

– Правильно, Маня, правильно, ругай меня! Пахари и сеятели многими местами обычаи мои блудут, и ты поплачь, когда в Аду мимо проходишь будешь – утри их безутешную слезу! Но, знаешь ли, и птицы гнезда выют, и животные норы себе роют. А чем он отличается от них? Ах, мне дали, ах, я принял! На песчинку ветер дует, и та сопротивляется! Неужели шевелить извилинами труднее, чем вспахать поле? А мне не нужны пахари и сеятели, у меня земля родит все, что нужно. Люди кормят себя, как любая тварь, которая думает, чем набить живот, чтобы не умереть с голоду. И человек в этом преуспел. Но человек ли он, если извилины не напрягает? Для чего я дал ему абстрактное мышление?

– Но ведь не могут все перестать пахать поле и стать какими-то особенными, за руку здороваясь с Дьяволом! Человеку детей кормить надо, жену, за престарелыми родителями присмотреть.

– А ты не роди, чтобы тебе было не трудно, может, тогда на планете еще для какой-нибудь твари место останется. Разве я сказал, чтобы он плодился и размножился, как плесень? Для себя человек родит детей, чтобы не умирать в одиночестве. Вампиру – чтобы было что покупать и продавать и кому производить. Возьми любой кризис, когда миллионы остаются без работы и без возможности покупать – вот кровушка-то льется! И не рад человек сам себе, и друг другу уже не рады... Разве я не определил день недели для поиска истины? Тут и за руку поздороваться обязан человек, и подмигнуть: мол, я козу тебе припас для всесожжения!

А что он делает?

В субботу он отправляется на съедение к вампиру – сам! Приобщается к идеалу или бьет поклоны, умоляя пощадить жену, детей и все его имущество. Было бы о чем молить! Перед ним чужая жена, чужой ребенок, имущество его давно поделено между вампиром и оборотнем, а все остальное – исковерканная и искореженная земля.

Не таким бы видел человека – был бы о нем иного мнения.

Борзеевич выставил вверх палец, посматривая в сторону востока и запада, сверяясь со своими часами.

Ждали, устроившись перед входом в Храм.

– Как сказал один умный человек, – высказал Борзеевич свое мнение, многозначительно посматривая на Солнце, которое коснулось вершины горы, – который долго наблюдал за жизнью вампиров и всех, кто под ним: «Все суeta суeta! Бессовестным дается много, и не бессовестные имеют ту же участь. Всему и всем – одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злему, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы. Это-то и худо во всем, что делается под солнцем, что одна участь всем, и сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их; а после того они отходят к умершим. Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву!»

Манька, он как раз сказал о том, что людей много, а живых – мало. И только земля всегда будет радовать Бога. Уйдет сей народ с земли, однажды придут другие. Умрет одна планета – миллиарды воскреснут – и все повторится.

Дьявол одобрительно вскинул бровь.

– Ну, не одна земля, Манька иногда радуется, и ты... – признался он нехотя. – Говорить, что земля радуется меня, это то же самое, что сказать: я радую сам себя. Когда-то у меня возникла идея проникнуть умом во все уголки знания, которые возможны в принципе. А потом я понял, что я знаю то, что осознал уже. Знание не проникало в меня. Я его, примерно, отстроил, зная, что именно хочу, а земля была тем самым пластилином, который исполнял мои желания. Но однажды я столкнулся с тем, что могу больше, а земля имеет ограничения. Земля все время пишет и пишет, все что слышит, видит, думает, что думают другие, что я ей говорю, что говорят

люди и животные друг другу. Мне иногда кажется, что она умнее, чем я сам. И, в конечном итоге, это я, я, и еще раз я, который сунулся головой, куда не следовало!

– Ты жесток! – заключила Манька, почувствовав, как приближается кульминация и ее последний выдох. Над горизонтом поднялся диск луны, и страх вернулся. – Ты проткнул головой Небытие, и понял, что таким образом в него можно совать другие сознания. Правильно ли это, не мне судить, но это неправильно!

– Откуда ты знаешь, что правильно, что нет? Каждое сознание, Маня, считавшее себя Богом, получает возможность стать им. Если им не нравится моя земля, пусть достанут себе другую. Богу нет ничего невозможного.

– Но место же занято!

– Ну! – Дьявол пожал плечами. – Небытие тоже пластилин, если с Ним уметь работать. Бездна еще большая... Я буду рад, если у меня появятся соседи. И я иногда мечтаю, перекинутся словечком через забор. Я, маня, бесконечно одинок, мне с кишечными палочками уже поговорить в удовольствие.

– Ну ладно, нечисть, а почему праведнику одна участь? – не поняла Манька.

– Однажды один человек с его женой, которым я дал самое лучшее, что у меня было, передали мою землю во владение змею. Это такой вид бесовской твари, которая просила человеческую жену преобразовать материальность одной плоскости к другой. И жена сразу же согласилась. Она захотела владеть всем, чем распорядился бы и ее муж – самолично. Над его сонной землей она произнесла речь, и проверка показала, что змей укоренился, разделив их плоть саму в себе. Укоренился глубже, чем врос в землю человек. Он был праведником, но попал в сеть. Разве я не должен судить его за это?

– Наверное, люди правы, у каждого сознания есть шанс стать таким, как ты. Представь, что сознание породило еще одну вселенских масштабов голову.

Дьявол заметил, что Манька прячет руки, которые начали дрожать.

– Вижу, ты меня достать хочешь, но меня мало интересуют произведения Небытия, которым места в моей вселенной не было и не будет. Потому и отправляю свои произведения на уровень, выше Неба. Тут в Бога поиграл, теперь там поиграй. А если на меня свалится такой кошмар, я об этом подумаю на досуге. Возможно, что-то и получилось бы, если бы люди хоть чуть-чуть интересовались моими делами... – он стал серьезным: – Помни, что все ужасы Ада преступник получил по заслугам. Будь хладнокровной и голой, как сам черт. Хочу тебе открыть, что утаил: худшее зло, которое хранит твоя земля – наслаждение. Оно предназначено вампиру, но в Аду ты можешь выпить его – и тогда другая правда откроется тебе.

– Поняла, – кивнула Манька, которая заметила, что солнце вот-вот сядет. – Ты за меня не переживай, я справлюсь!

Глава 4. Было бы желание прыгнуть...

Старик Борзеевич, который успел еще раз сбегать за нетесаными камнями, очевидно, задавшись целью сделать жертвенник небывалых размеров, несмотря на то, что посетителей в Храме не было – Дьявол и Манька оставались единственными – заторопился. Быстро сложил камни на жертвенник.

Дьявол подошел к каменной груди, разравнивая. Манька догадалась, что на него водрузят ее труп. Мысленно поежилась, чувствуя, как в душе поднимается паника.

– Маня, если вернешься, может, переберемся с Храмом к людям? – предложил Борзеевич, пока Дьявол не слышит. – Подумай там, на досуге. Мне самим Богом заповедано помогать им становиться на путь истинный. Если вернешься без того имиджа, что тебе вампиры нарисовали, да с моим-то горохом – и для нас паства найдется.

– А я что буду делать? – поинтересовалась Манька, – На службу поступлю? Кем? Залез через половицу, приватизировал избу, жилище мое сделал черте чем, выгнал человека... Не прописанного, но все же, я себя уже хозяйкой мнила.

При последних ее словах старик Борзеевич напрягся и внимательно подумал о чем-то о своем.

– Да-а, без бумажки мы не люди! Манька, а давай мы избы расплодим! Одну себе возьмешь, во второй я буду жить! И будем яйцами торговать, чтобы не дорого, но не в убыток. Думаешь, не найдется желающих купить? Да только свистни! – деловито предложил он.

– Ты и так не человек! – Борзеевича явно понесло. – Живи, сколько влезет. Но изба – существо самостоятельное. Ты хоть десять бумажек ей покажи – она читать не умеет. Выставит, не успеешь помолиться!

– Так! Это кто поганит Мой Храм? – грозно зыкнул Дьявол, испепелив Борзеевича взглядом зажегшихся мертвенно-бледным огнем глаз. – Вот из-за таких первейших священников все Храмы прекратили существование! Приходит человек, просит чудо, а какое чудо я могу дать, если его священнослужитель наипервейший идолопоклонник?!

Глазки у Борзеевича забегали, он ужаслся, напыжился и покраснелся.

Манька поняла, что время пришло. Руки затряслись еще заметнее, и она уже не сдерживала свой страх. Разом загорелись ветви неугасимых поленьев, освещая Храм изнутри. Распахнулись ворота.

Борзеевич как-то сразу осунулся.

– Господи! Я ни к тому! – возопил Борзеевич, падая перед Дьяволом ниц. – Прости кровососущего! Я это к тому, что, когда Маня вернется, не сидеть же нам в глухом лесу, к людям надо, да так, чтобы красотой нашей и богатством нашим далеко отстояло у людей сердце от идолов их!

– Мастер Гроб, если ты сейчас не замолчишь, глаза мои извергнут геенну! – пообещал Дьявол.

– Молчу! Молчу! Прости недостойного! – попятился старик задом. – Никаких домов, никакого достояния! Пусть меня ветер носит по всем весям! Тут мой дом, тут мой лес... Водяного с русалками буду приобщать к любви Господней! Дьявол, мать его... и послать-то некуда! – выругался он, ухмыльнувшись. Манька сообразила, что они опять шутят и подтрунивают над ней.

Зубы ее клацали. .

Наступили вечерние сумерки. Наползла неясная тень.

Храм со стороны входа стал темен, и только силуэт вырисовывался на фоне бездонной синевы угасающего неба. Солнце, закатившись концом диска за край горы, наливалось кровью,

освещающая бледную, грязновато белую убывающую луну, и два светила зависли над горизонтом противоположно.

Как по команде все стихло. Даже кузнечики не издавали не звука. На берегу застыл силуэт водяного, будто он попрощался с нею навсегда. Борзеевич вошел в Храм первым, следом за ним Манька, замыкая строй – Дьявол.

Алтарь переливался жидким белым огнем, по бокам от него стояли два золотых светильника, на каждом по семи лампад – одна большая и шесть маленьких, перед ним была выложена из черного камня звезда.

Манька мысленно присвистнула, удивившись, как изменился Храм: «Это сколько золота!» – призадумалась она. И где только Дьявол с Борзеевичем его достали, да еще успели отлить светильники!

К Алтарю от входа вела широкая дорожка. По стенам из на держателях горели ветви неугасимого поленьего дерева. Избы нарастили балкончики, символизирующие крылья.

И все ради нее... Красивая смерть...

Борзеевич прошел к Алтарю. У величественного Алтаря в своем балахоне в горошек и с бусами Борзеевич смотрелся несколько нелепо, но ей было не до смеха. Она не могла до конца понимала, как согласилась на эту авантюру, и все пыталась припомнить, каким образом эти двое сумели ее уговорить. Глаза ее шарили по сторонам, выискивая щель для отступления.

Борзеевич достал из углубления в стене медную чашу и еще один свиток.

– Это я из другого Храма взял, – шепнул Дьявол. – Потом на место положу. Храма уже нет, и принадлежности Храма долго никто не достанет.

– А с Храмом что стало? – полушепотом спросила Манька, заметив, что Борзеевич наливает в чашу живую воду и что-то шепчет.

– Там шла очень жестокая борьба между старыми знаниями и новой верой. Жрецы не умели убивать людей, они могли убить нечисть, а человек был для них свят. А вера принесла новые веяния, когда стало все наоборот: нечисть убивать запрещено, а человека сколько угодно. У жрецов был колодец с живой водой. В него они спрятали все сокровища, которые были в Храме. И когда первый человек справил в него нужду... Захотел посмеяться над убитыми, трупы жрецов плавали в воде... Земля над колодцем замкнула свои уста.

– А зачем туда трупы жрецов бросили? – удивилась Манька.

– Святые мученики нового Бога просили Старое Ветхое Знание доказать, что в живой воде человек может воскреснуть. А зачем их воскрешать, они и так живые. Живые родились, живые жили, живыми пришли в мою землю. Безупречная репутация, безупречное служение. Чтобы их еще раз убили? Рук нет, ноги рядом плавают, животы вспороты.

Так новое училось по-новому использовать чрево: кишками одних, душили других.

Типа, по-новому учили жрецов читать чрево.

Но живая вода не воскрешает живых людей, если у человека нет ни единого шанса после этого остаться здоровым. В мертвом теле, спустя час начинаются необратимые реакции. Это же не вампир, который может воскреснуть безо всякого ущерба. – три дня в гробу отоспался и шагай себе дальше. Живой водой Йесю не поливали, кол в сердце не воткнули, огнем неугасимым не жгли.

Жаль, что прибили не к тому кресту, к которому следовало.

Хотя, может, он был сделан из осины...

На многие деяния Йесю уже не подвигнулся, качало его от ветра, но живым, говорят, видели. Не все, посвященные в тайну.

Великий Город Кровей! Исчез народ, выпитый до последнего человека, и мразь от тебя расплзлась по всей земле!

Но не стоит об этом... Если человек хотел вкусить крови, я не мог не дать ее....

Не отвлекаемся!

Борзеевич славил Бога, стоя у Алтаря, и преподнес еще один сюрприз, который Манька никак не могла себе объяснить. Его пламенную речь она прослушала, не до того ей было, ее поставили в центр звезды, и звезда под ней стала не то прозрачной, не то, как зеркало. В глубине ее, как в водной глади отражалась она сама, и шло какое-то шевеление. Она обратила внимание на Борзеевича, когда тот воздел руки к небу, скосив глазом на Дьявола, который стоял рядом с нею, и торжественно произнес:

– Во имя Живого Бога: Всем Един! Господи, прими свою жертву!

И она с ужасом заметила, что стоит в круге с ядовитыми змеями, которые не могли поползти через границу.

В ее душе стало еще поганее и холоднее, чем тогда, когда она впервые встретила с волками. Змеи смотрели на нее человеческими лицами, пронзительно, лица их менялись, они шипели и кидались на нее, сплетались в клубок, и будто сливались одна с другой, чтобы стать больше и толще, и другие выползали из пасти.

– Маня, это василиски, не хотят с тобой в Ад, – то ли серьезно, то ли прикольно Дьявол. Он стоял рядом, подбадривая. Ни страха, ни волнения не было в его лице.

– Это виртуальные червяки, согласно ритуалу... Которые в земле людей живут и дырявят ее...

Старик Борзеевич видимо змей не видел, потому как он подошел к ней с Дьявольским кинжалом, безо всякого страха, вступил в круг и попросил ладонь. Потом резанул ее, смазывая кровью свой лоб и ухо, вывел ее из круга за руку, зажимая рану, и привел к жертвеннику, доставая еще крови, чтобы окропить камни по углам.

Содержимое чаши, наполненную землей, высыпал на жертвенник. Борзеевич неопределенно помолился: молитву молитвой назвать можно было лишь условно – он не столько молился, сколько выговаривал Богу, что тот попустил вампиров, и Дьявол, начертав какой-то знак на земле, сообщил Маньке, что в жертву приносится символ начатка ее земли. Потом исчез на несколько мгновений, шарахнув с неба молнией, от чего поленья (обычный хворост), сложенные на жертвеннике, тут же загорелись. После этого Борзеевич налил в чашу живой воды, смешал с мукой, испек на огне лепешку и приказал ее съесть.

Манька вдруг почувствовала привкус железа, испытал некоторое угрызение совести, вспомнив, что где-то на чердаке валяется котомка с ее нехитрым скарбом.

Будто специально напомнили...

Снова появился Дьявол со словами: «Ну, теперь имущая!», подхватил ее и поставил на выступ в стене избы.

Уж как Манька не готовилась, а к чему-чему, к прыжку она как раз была не готова. Вроде невысоко, но, не кстати, закружилась голова, то ли от напряжения, в котором находилась весь день, то ли Храм на нее так подействовал и глюки, но отступить было поздно.

«Хм, – с сомнением, мысленно хмыкнула она, примерившись к расстоянию, – вряд ли я тут сломаю шею... Ангелы мне точно не понадобятся!» Затея Дьявола и Борзеевича сразу показалась ей сомнительной. Она предполагала, что ее зарежут или снова в огонь пошлют, или разрежут, как голубя.

Дьявол парил рядом, и держал ее за шиворот.

И вдруг в лицо ударил такой ветер, будто они стояли не в пяти, а в сотне метров над землей. Внизу под нею образовалась воронка, которая раскручивалась.

Манька перепугалась – если Дьявол ее отпустит, ее подхватит ветром и затянет в воронку. Но быстрый взгляд в сторону Борзеевича, который стоял, засунув руки в дырявые карманы (из которых почему-то никогда не просыпался горох), скрестив пальцы крестиком, она опять

обнаружила, что у нее глюки: волосы Борзеевича не трепало ветром и трава стояла не шелонувшись.

– Смотри! – каким-то не своим голосом, глубоким, пространственным, приказал Дьявол.

Казалось, голос его идет от ветра, он разнесся на всю округу, как звон набата, и прошел сквозь нее – она услышала его и снаружи, и внутри себя.

– Куда! – крикнула она, сквозь усиливающие порывы, которые вот-вот сорвут ее с выступа.

– Вниз! – ответил Дьявол.

Воронка становилась все шире и шире, разевая пасть. Там было темно, как в глазах Дьявола, и били молнии, освещая мертвенно бледным светом пространство, которого в принципе не должно было быть. И она с ужасом уставилась в эту дыру, к еще большему ужасу заметив, что Дьявола рядом уже нет, но краем глаза она уловила, что по левую и по правую руку от нее за спиной стоят два крылатых существа, или просто крылья собственные крылья выросли – одно красное, как запекшаяся кровь, а другое – грязно-серое, будто им помыли полы – но такие огромные крылья!

Манька закосила взглядом за спину, пытаясь понять, это ангелы или крылья? Не могли же они вырасти, пока она стояла на выступе.

– Прыгай! – услышала она глас Дьявола отовсюду.

Повиновавшись, Манька изо всех сил зажмурилась и прыгнула...

Глава 5. От бытия до Ада...

*«Тут птицы не поют, деревья не растут,
И только мы, плечом к плечу, вращаем в землю тут...»
Песня*

Удара о землю не последовало... Она неслась с огромной скоростью и не могла остановиться. Слегка мутило, но без тошноты. Звезды пролетали мимо, образуя белый коридор из множества точечных бело-голубых линий. Иногда казалось, что она бежит по земле и ноги едва касаются опоры, иногда перепрыгивает через огромные расстояния – дух захватывало. Кружилось пространство, рассеянное сознанием, телом, сгустком энергетической субстанции, или чем там она была.

Мысли отсутствовали. Лишь четкое понимание своего «я» и ощущение пустоты вокруг.

Полет напоминал путешествия под плащом Дьявола, когда видения приходили к ней, но тогда она оставалась на месте, а пространство вокруг двигалось. Теперь же наоборот – летела она, а пространство оставалось на месте.

Огромное потрясение – но чувство пришло не сразу. Приказное: «Не бойся!» прозвучало отовсюду, прошло волной – и страх ушел: Дьявол был где-то рядом...

Полет вряд ли длился долго. Скорее, ощущение расстояния растянуло время необозримо, которое, как таковое, скорее всего, отсутствовало... Крылья все-таки были. Вели себя, как родные: плавно затормозили, медленно опустив на каменный выступ скальной породы. И остались. Манька пощупала спину. Крылья росли из лопаток – одно реально было все в крови, а другое – как застиранная простынь, которую долгое время использовали вместо половой тряпки.

Но на самом деле их не было. То есть, она видела их, и даже могла пошевелить, но руками не нащупала. Обычная спина – и горбик не выставлялся.

«Странно! – подумала она, разглядывая крылья через плечо. Крылья сложились и не мешали. – Откуда они?! Я же не птица!»

Приобретенные крылья напугали ее больше, чем потрясение от полета. Она живо представила себя на земле, и при всем желании порадоваться приобретению не смогла, убившись плачевной картиной: люди, без сомнения, за версту станут обходить стороной полуангела-получеловека.

После внушения крылья не исчезли: трепыхнулись и освободили место для визуального осмотра местности.

Расстроившись, она осмотрелась по сторонам.

А где... гром и молнии? Где огонь, сера? Манька решительно отказывалась верить, что попала в Ад. Ну, разве кого-то напугаешь камнями? На земле водились места страшнее.

Плохая была идея – таскать сюда людей, перестали Дьявола бояться. Вот так ушла праведность из народа...

«Исчезал, и будет исчезать», – переживая за друга, которому нечем было удержать свободолюбивый народ, посочувствовала она Дьяволу. По всему получалось, что запугивал он одного себя, и права была она, когда подозревала что-то в этом духе...

Но прекрасным место тоже не назовешь...

Мрачно. Тускло...

Воздух здесь был необыкновенно плотный, привыкла она не сразу. Вокруг – невообразимое, невероятное нагромождение камней, напоминающих уродливые деревья, строения, или высеченных в камне людей, сцепившихся между собой и поедающих друг друга.

Как в Храме, когда змеи извивались у ног.

Камни и скалы показались ей зловещими.

Ну, хоть что-то...

На гранях каменных разломов натекала красная, как кровь, смола. Ни деревца, ни ручейка, ни былинки – ничего! В нос ударил резкий ядовитый запах, от которого тут же захотелось перестать дышать. Не запах разложения, но вонь... Высоко над головой свесилось небо, напоминая, скорее, каменный свод. И когда она смотрела, почему-то показалось, что небо не над головой, а под ногами. И как будто правильно. Но сразу после этого стало казаться, что она неправильно стоит. На голове. А когда начала смотреть на себя, то по всему выходило, что она стоит нормально, как обычно, и неправильным все-таки было небо. Стоило подумать о небе, и опять – неправильно стояла она...

– Тьфу ты! – используя старое верное средство против Дьявола и его заморочек, сплюнула она, к своему неудовольствию убедившись, что в Аду Дьявол все тот же – опять обман!

Не помогло, заморочка осталась, но уже не думалось – пусть ее разгадывает кто-нибудь другой! Голова слегка закружилась. Она оглянулась: не заметил ли кто нелюбви к Дьяволу. Успокоилась. Ни души не оказалось рядом. Ни одной. А говорил, их тут как звезд на небе.

– И что теперь? В какую сторону мне идти? – рассеянно вслух произнесла она, поднимая с земли обломок.

Камень был черный, как уголь, но тверже гранита. На ощупь – гладкий. И тяжелый – руку оттянуло.

И вдруг почувствовала тяжесть во всем теле, будто обломок местной породы высасывал ее. Камень она держала в руке, но он точно проник в нее. Она торопливо отбросила его, брезгливо отряхнув ладони.

С другой стороны, Ад все-таки выглядел удручающе. Голо. И черные камни повсюду.

Мысли сразу стали тревожными и беспокойными... и чужими, влетевшими в голову. Повеяло тоской, ни с того, ни с сего захотелось завывать. Просто так, без причины. Да так, чтобы волки, воющие на луну, позавидовали. Само ощущение воя проявилось неестественно материально, будто надвинулось на нее и вошло в тело, надавив, как камень, который она только что держала в руке.

Она не завывала, и от этого разделилась сама в себе: тело отчаянно желало исправить несоответствие между собой и ощущением, которое шло изнутри, а она чувствовала и противилась – и от этого ощущение воющей себя стало сильнее.

Наверное, так чувствовал себя одержимый Дьяволом человек, которого она видела лишь однажды. Он орал, кричал, бился – а Святой Отец читал молитвы и кадил, размахивая позолоченной корзиночкой. На чудо одержания и изгнание Дьявола собралось посмотреть много людей, но Маньке это чудо чудом уже не казалось – слова Дьявола плотью не становились ни при каких обстоятельствах, а тут явно над человеком издевалась враждебно настроенная плоть. В своем одержании она узнала бы черта, если бы все это происходило не в Аду.

Она присмотрелась к ощущению, отказываясь наотрез выть вместе с ним.

– Не мое! – сообщила она телу, отвергнув чуждое нытье. – Пусть воет!

«Плохо мне, плохо! Больно!» – заныл неизвестно кто в ее голове ее собственным голосом.

Если бы не умеренное количество собственной прогрессивной настроенности на определенную цель, она бы, пожалуй, пострадала вместе с интересным высказыванием – слишком уж голосок был проникновенным, затрагивая струны внутренних вибраций, душевный, как голос Благотельницы, когда она выступала по радио.

Но голосок прикатил не вовремя. «Плохо и больно» размазывалось в голове общедоступным чувством: «Ой, бедная я, бедная, опять посмеялись надо мной...» – и сразу страх неизвестности.

Манька одернула себя: с чего ей жаловаться? Дьявол как раз предупреждал, что Ад не Сад-Утопия. Если уж по-честному, место оказалось не хуже и не лучше многих других. Камен-

ная пустыня, но снега нет, железо в избах осталось, и пока никто ее в костер не ташил. Она слегка наклонилась, привалившись к камню, проверяя местность затылочным зрением.

Черт чихнул, перепрыгнув через ее голову, и слегка поклонился. Затылочным зрением уловить его она не успела. Возможно, он все это время стоял позади, слившись с камнями, тогда чертей здесь было пруд пруди. Удивительно самостоятельное нутро сразу же ныть перестало, а черт как-то сразу обмяк, и внезапно, повернувшись к ней, трансформировался...

Нормально, глазами, черта она видела впервые.

Тело его покрывала шелковистая шерстка, на лбу торчали рожки, за спиной закручивался хвост – лысый, с пушком на кончике, но в остальном он в точности копировал ее саму. Живой, плотский. Пожалуй, можно было пощупать руками. И Манька не удержалась, ткнула в него пальцем.

Черт смутился, покраснел. Он как будто не ожидал ее увидеть, и тоже рассматривал во все глаза, но искоса, исподлобья.

Зная их вредную, бесовскую натуру, никакой радости в его обществе она не испытала. Наоборот, встревожилась. Но, вспомнив, что черт в Аду считался законопослушным гражданином, слегка успокоилась. Лишь бы не додумался ябедничать. Плевать в землю в Аду – примета была дурная, не дружественная. Дьявол мог забыть о своем добром расположении.

Манька еще в избах привыкла, что черти умеют становиться похожими на человека, но в виде себя самой, лицом к лицу, потустороннее существо лицемерить не ожидала. И растерялась. Смотреть на себя оказалось не столько неприятно, сколько невыносимо. Боль внезапно нахлынула с чувством обиды за себя и с отвращением к вампиру, который умело и преднамеренно облачил ее в такие... неподобающие одежды.

Неуверенный, неряшливый вид, тяжелый стеклянистый отсутствующий взгляд с мутными зрачками, опухшее красное лицо, слегка искаженное от боли, под глазами мешки, движения отрывистые, угрожающие. Наверное, такая, прилипчиво-убогая, ходила она по дорогам, пугая людей, такой ее видел Дьявол, и такая она сидела где-то глубоко в подсознании, выставляясь наружу всякий раз, как только Дьявол уходил из мыслей, предоставляя ее самой себе на самоистязание.

Это была... не совсем она... Или уже не она...

Благодарение Богу, что вся мерзость не становилась ее одеждой сразу! Трижды был прав Дьявол, когда журил ее за мученичество: такое угрюмое лицо никому не подошло бы. Да, имидж у нее был самый что ни на есть поганый. И ведь нельзя сказать, что она совсем уж не такая: тело ее постоянно что-то роняло, перед кем-то ползало, просило, унижалось, продавалось – так она себя чувствовала, когда разговаривала с человеком, теряясь, заикаясь, не уверенная, слушает ли ее.

На сердце стало холодно: с глубокой благодарностью она помянула Дьявола, в надежде, что, вырабатывая невосприимчивость к издевательствам, он хоть чуть-чуть сделал ее другой. Но кто знает, изменилась ли она, если прежняя стоит перед нею, и она помнит внутри себя каждое движение, переживая это состояние, на которое все ее нутро отзывалась болью и горечью.

Она видела черта со стороны, но будто в себе – и ужаснулась.

И снова почувствовала, что должен был чувствовать черт, будучи ею, ясно вспоминая окаменевшие взгляды людей, отринувших ее. Всеми своими обидами она не могла понять и сотой доли их состояния, когда проходила мимо. Она любила человека с не меньшей заботой, с какой человек начинал презирать ее такую. Она была не больше и не меньше человека, доброта и сердечность не оставляли ее ни на минуту, но боль, искалечившая ей жизнь, и мучители, которые пристраивались рядом, ужасающие своей бессердечностью, открывались людям как мерзость, еще более пугающая, чем мерзость, которую черт открыл ей. Она вдруг с удивлением

поняла, почему честные люди отстранялись сразу: сознание человека не способно выдержать ум земли, открытый темной стороной. Забитая насмерть земля отверзала уста, выдавливая из себя голоса и ее, и ее мучителей, и всех, кто пришел через открытые врата и остался в земле. Они всегда были рядом – тайно, как тать, угрожали, уговаривали и смеялись, затягивая любого в убогую круговерть – время для земли остановилось. Человек не слышал вампиров явно, но его потревоженное подсознание бежало прочь. А нечестный человек – испытывая внутреннее отвращение, пряча свой страх, не гнушался использовать ее руки, голову, как тот вампир, который благословлял его. Вампиры звали его, нечестивец как бы вступал в сговор с ее врагами, располагивая их к себе именно соучастием в преступлении. Да, ему странно везло, тогда как другие, не умеющие быть неблагодарными, умирали вместе с нею.

Получалось, что рядом с нею не было ни одной доброй души, а те, кто терпел ее, действительно были героями. Даже она сама замечала, что в зеркале отражаются глаза, которые не отражали то, что она думает или чувствует.

Вот как сейчас...

Манька уловила в себе неприятное чувство, будто черт угрожает ей... эта ассоциация слишком не вязались с его раболепием, будто поверх черта был еще один невидимый образ, который проникал в ум быстрее, чем зрили глаза. Похоже, радио здесь работало в полную силу, и черт стал настоящим ретранслятором, генерируя мысленные обращения. Она не только слышала его, она видела себя со стороны, как человек, который уже изменился до неузнаваемости. Изменилось его сознание, душа, чувства. То, что она видела, было ее прошлым, а сейчас она была готова призвать вампиров к ответу, возвысив голос...

Или ее готовили к тому, чтобы объявить одержимой Дьяволом....

Ощущение точно такого же существа пришло из-за спины, слева. Непрочное, но достаточно плотное, чтобы уловить его в своем пространстве, и память была не своей, чужой, когда нет ни места, ни времени, ни самого факта, что это было на самом деле.

Манька мысленно помолилась за Борзеевича, который вытащил непонятно откуда и непонятно как на свет божий неизвестно какой древности интереснейший и полезнейший документ. Она вспомнила, как он учил ее объективно рассматривать себя. Место за спиной соответствовало подвалу избы-баньки, левому крылу Храма. Там, по определению, вампиры поселяли пограничных чудовищ – древних вампиров.

«Странно, почему зеркало не показывает так ясно?..» – рассеянно подумала она, рассматривая черта – и тут же догадалась: черт развернул ее отражение, усиливая волны, тогда как в зеркале отражение было повернутым: правой стороной она смотрела против правой, левой стороной – против левой, поэтому зеркальное отражение было более или менее нейтральным.

Но люди ее видели именно так.

Выводы привели ее в замешательство.

Оказывается, имидж проклятого полностью зависел от вампира...

Но, если это земля вампира, тогда почему она ступает по ней сама в таком неприглядном виде? Почему стала демоном, да еще таким... убогим?

Имидж был еще тот!

Самое странное, что, не будучи такой, – она не просила дважды, не навязывалась, не доказывала, – она знала этот образ: каждое утро он возвращал ее в исходное мрачное состояние, как генетическая предрасположенность.

Ели вампир нарисовал себе светлый образ царя и бога, понятно, как они становились Спасителями в белых одеждах... Вампир не мог быть не Богом, не Богом он начинал умирать – и полез бы в бутылку, даже если бы Дьявол как-то смог понять его болезнь и принять больного.

Не устоял бы...

Из опыта она знала, что черт гораздо правдивее может открыть человека, чем человек, указывая на самые характерные узнаваемые признаки. Выходит, не зря она ненавидела свою

неуклюжесть, боялась, что человек не дожидается, не поймет, закроется прежде, чем успеет расположить его к себе. Даже она сама вдруг ощутила невероятное желание оттолкнуть его...

В мгновение Манька поймала змею и раздавила голову – не отвела глаз, не отказалась, заставив любить себя и такую. Горсть пепла усыпляла мертвый ум, а ее ум анализировал. Ни мудрости, ни человечности не оставили ей вампиры – она пришла убивать и ограбить, и была убита и ограблена всеми, кто защищал себя и вампира, которому принадлежала ее левая сторона.

Наверное, она была такой во время ритуала...

«Он где-то там, почти мертв, и я нахожусь среди них!» – догадалась она, уловив в себе, что никогда не мыслила так раньше. Мысль поднялась от земли – качество ее было другим, земля как будто вырвалась из плена. Мысль не пришла и не ушла, она была чистой и ясной, как молния, лишенная плоти, соединив небо и землю, осветив тьму и став ею.

Свое новое состояние Манька отметила лишь вскользь: ее земля не ненавидела, она лишь перекрывала доступ всему, что исторгала земля вампира-души, свидетельствуя о ней. Ложно! Теперь она лишь пожалела, что Дьявол не пригласил ее к себе намного раньше, когда вампир еще не залетел так далеко и высоко. Она могла бы исправить свидетельство земли, которая не знала о ней ничего. Если правда то, что он жил в соседнем селении, то дойти до вампира и Благодетельницы она могла за день, а доехать, так вообще за час: общественный транспорт собирал и развозил рабочих шахты утром и вечером.

И обрадовалась – первый шаг к тому, чтобы вернуть доверие обоих земель был сделан.

– Перебросимся в картишки?! – смущаясь, предложил черт, тасуя колоду карт, будто взял карты первый раз в жизни.

Манька, слегка растерялась, не сразу сообразив, что именно сказал ей черт. Она не играла в карты. Ей это было не свойственно. Примерила фразу на себя: фраза далась с трудом.

Но один взгляд на карты – и в голове помутилось, в горле появилась резь. И стало так тошно, будто выпила магnezии.

Манька сразу узнала их по рисунку на рубашке.

«Откуда у него мои карты?!» – мысли лихорадило. Откуда-то поднялся животный страх, словно убийца уже нацелился на нее и смотрел в глаза. Вспомнив, что она в Аду, она дала страху волю, не сделав ни одной попытки защитить себя. По крайней мере, так она, может, наконец, встретится со своими убийцами.

Дьявол учил ее открыться, принять, поднять, и вырвать жало ядовитой твари: «Маня, можно долго гоняться по пустыне за змеями и скорпионами, – сказал он, – а можно лечь, измазав себя кровью и ждать, когда они сами приползут на запах. Как ты найдешь в себе мерзость, если не позволишь ей выйти наружу и поцеловать себя в лобик?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.